

ДЭВИД ХОУПЕН

ПАРДЕС

РОМАН

18+

Мощная и волнующая
современная версия
“Над пропастью во ржи”.
GOOD MORNING AMERICA

ph

Дэвид Хоупен

Пардес

«Фантом Пресс»

2020

УДК 821.111
ББК 84(7Сое)

Хоупен Д.

Пардес / Д. Хоупен — «Фантом Пресс», 2020

ISBN 978-5-86471-927-5

Жизнь Ари Идена всегда подчинялась строгим правилам. В ультраортодоксальной общине Бруклина его дни посвящены лишь учебе и религиозным ритуалам. Ари очень одинок и только рад, когда его семья перебирается в солнечную Флориду. В новой школе все иначе, иудаистику и ритуалы там тоже изучают, но в целом это обычная и очень хорошая школа. Ари быстро вливается в компанию друзей, погружается в удивительную и прежде неведомую ему атмосферу свободы. Его новые друзья харизматичны, умны, дерзки, для них жизнь не ограничивается какими-то рамками. И постепенно Ари из закомплексованного ученика еврейской школы превращается в человека, который пытается отыскать свой особенный путь в мире чувств, желаний и соблазнов. Всех героев романа Дэвида Хоупена мѧс, нит Парде мистический сад, где человек обретает истинное знание, приближается к Богу и к собственной сокрытой под внешними покровами сути. “Пардес” – глубокий, наполненный смыслами роман о постижении себя, о поисках истины, о любви, как всеобъемлющей, так и романтической, о том, какие силы определяют нас: пьянящие отношения юности, очарование унаследованных традиций или же наши скрытые желания. Дебютный роман Дэвида Хоупена сравнивают с книгой Сэлинджера “Над пропастью во ржи”, но его можно поставить в один ряд и с другими, очень разными книгами – “Волхвом” Джона Фаулза и “Тайной историей” Донны Тартт, книгами, в которых поиски себя уводят в лабиринт, психологический или философский.

УДК 821.111
ББК 84(7Сое)

ISBN 978-5-86471-927-5

© Хоупен Д., 2020
© Фантом Пресс, 2020

Содержание

Пролог	7
Август	8
Сентябрь	53
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Дэвид Хоупен Пардес

Матери и отцу: на их любви стоит мой мир

Четверо вошли в Пардес: Бен-Азай, Бен-Зома, Ахер и рабби Акива. Бен-Азай глянул – и умер; о нем Писание говорит: “Дорога́ в глазах Господа смерть тех, кто предан Ему”. Бен-Зома глянул – и повредился в уме, и о нем Писание говорит: “Мед нашел ты – ешь в меру, а то пресытишься им и его изрыгнешь”. Ахер – порубил посадки; рабби Акива вошел в мире и вышел в мире.

Вавилонский Талмуд (Хагига, 14б)

*Уйти во тьму, угаснуть без остатка,
Не знать о том, чего не знаешь ты,
О мире, где волнение, лихорадка,
Стенанья, жалобы земной тщеты;
Где седина касается волос,
Где юность иссыхает от невзгод,
Где каждый помысел – родник печали,
Что полон тяжких слез;
Где красота не доле дня живет
И где любовь навеки развенчали.
Джон Китс. “Ода соловью”¹*

David Hopfen
THE ORCHARD

Copyright © 2020 by David Hopfen

Книга издана при содействии Brandt & Hochman Literary Agents, Inc. и Литературного агентства Эндрю Нюрнберга

© Юлия Полешук, перевод, 2022

© “Фантом Пресс”, издание, 2023

Пролог

– Трагедия мертва?

Вот о чем я спросил миссис Хартман, когда все закончилось, мне тогда не давали покоя любые роковые ошибки, кроме собственных.

Она не уточнила, почему меня это интересует. Попросила лишь сформулировать, что такое трагедия. Я ответил, что это невозможно: трагедия – не философия, ее не сформулируешь, ее можно только почувствовать.

Миссис Хартман покачала головой.

– Возвышенная грусть, – сказала она. – Вот что такое трагедия.

Я раздумывал об этом в ту ночь, в самые последние мгновения, стоя бок о бок с Эваном и Амиром перед полицейскими, пожарными машинами, телами погибших. На перепачканном сажей лице Эвана застыло странное выражение.

– Интересно, видит ли это Ноах, – печально и тихо проговорил он.

После всего, что было в наш последний учебный год, я почему-то вдруг расплакался от того, как он это произнес. Если это не возвышенная грусть, подумал я, тогда что же.

– Ну как, мистер Иден? – Миссис Хартман моргнула. – Умерла она с греками?

– Нет, – ответил я. – Вряд ли.

Август

*В путь, друзья.
Еще не поздно новый мир искать.
Альфред Теннисон. “Улисс”²*

Первые семнадцать лет моей жизни прошли в Бруклине. С детского сада по одиннадцатый класс – туманные доисторические годы – я посещал маленькую ешиву “Тора Тмима”, перевод названия которой, “Тора совершенна”, был нашим кредо. Занимались в школе только мальчики, в каждой ступени по тридцать учеников в черно-белой форме, – правда, “образованием” это можно назвать с натяжкой, скорее, пародией на него. Раввины говорили только на идише и наотрез отказывались преподавать все, хоть как-то связанное с эволюцией. Бывшие хиппи, вырванные с улиц, неспособные найти работу в обычной школе, распинались перед нами о правах и обязанностях граждан. Уроки математики оборвались в девятом классе: мистер Альварес, единственный компетентный учитель, решил, что сыт по горло нашей чудесной страной, и вернулся в Аргентину. Тора была совершенна, наше образование – нет.

Впрочем, общину это ничуть не смущало. Все прекрасно понимали, что это в первую очередь ешива и лишь во вторую – школа, и главная ее цель – “неуклонное развитие учеников, которые должны стать современными знатоками Торы”, ну и, если останется время, нахвататься в светских предметах. Большинство выпускников годами бесцельно скитались по стране, учились то в одном, то в другом *бейт-мидраше*³, там, где некогда занимались их отцы, где почетным меценатом числился троюродный дядя, – да, в общем, везде, где им предлагали ночлег. О колледже никто не задумывался. Я лишь теперь понимаю, что это и есть прекрасная жизнь.

Мои родители жили как все – по крайней мере, тогда. Отец работал бухгалтером в маленькой местной фирме – таких, пожалуй, в общине было меньшинство, остальные отцы день-деньской изучали или преподавали Тору. Но, несмотря на это, мой отец считал себя образованным человеком, любил напомнить мне, что мой дед был довольно-таки известным в Уильямсбурге раввином из рода талмудистов средней руки, и в свободное время увлеченно учился. Профессия его была безмерно скучной, но он довольствовался своим уделом и питал слабость к благочестивым обобщениям: “Боящимся Бога песчинкам в бескрайней вселенной завидная карьера ни к чему”. Коротко говоря, он идеально вписывался в нашу общину: седящие волосы, усталая улыбка – я не знаю человека проще.

Мать – худощавая, изящная (с некоторыми женщинами уходящая молодость никак не может расстаться) – была незауряднее отца. Ее родители, чикагцы в третьем поколении, соблюдали традиции с пятого на десятое: время от времени собирались за шаббатной трапезой, в Дни трепета⁴ ходили в синагогу, свинины не ели, но омарами⁵ не брезговали. На первом курсе Барнарда⁶ она съездила в Израиль (поездку оплачивал “Гилель”⁷) и как-то в одночасье прониклась идеями духовного самосовершенствования, моральной дисциплины и общинной жизни, которые предлагал ортодоксальный иудаизм. Вернулась она обновленной, пошла в ученицы к

---

² Перевод И. Манделя.

³ Место изучения Торы, Мишны, Талмуда и послеталмудической раввинистической литературы.

⁴ Период от Рош ха-Шана до исхода Йом-Киппура.

⁵ Омары считаются некошерными, как все моллюски и ракообразные.

⁶ Барнард-колледж – частный женский гуманитарный колледж в Нью-Йорке, один из старейших и самых престижных на Восточном побережье.

⁷ “Гилель” – крупнейшая еврейская молодежная организация в мире.

местной ребецн, усвоила *мицвот*⁸, становившиеся все сложнее, и к концу осеннего семестра перевелась в Стерн⁹. Вскоре ей устроили *шидух*¹⁰ с моим отцом.

Меня всегда живо интересовало мамино чикагское детство, но она мало что рассказывала. Уверяла, будто бы толком ничего не помнит. На все свои вопросы – каково это, не соблюдать кошер и субботу, ходить в обычную государственную школу, – вместо разумных ответов я получал нагоняи, в основном от отца: помалкивай о том, что мать *баалат-тишва*, то есть неофитка. Мать утверждала, что настоящая ее жизнь началась только с моим отцом. После свадьбы она получила диплом магистра в Тичерс-колледже¹¹ – редкость среди матерей моих знакомых. Она вела занятия у четвертых классов “Тора Тмима” и сама видела, как скверно учат в нашей ешиве.

– Арье, – сказала она в пятом классе, когда выяснилось, что мой учитель воспринимает обязательный список художественной литературы как личное оскорбление, – расширять свой кругозор – это нормально.

Каждый день после уроков мы с мамой шли в библиотеку Боро-Парка¹². Я поглощал книги, которые она предлагала, – “Убить пересмешника”, “Приключения Тома Сойера”, “Цветы для Эджернона”, “Излом времени”¹³. Вскоре я после школы в одиночку ехал в библиотеку на велосипеде и устраивался в уголке; библиотекарь, миссис Сандерс, с ангельски-серебристыми волосами и кошачьими глазами, оставляла мне стопки “обязательных” книг. “Их никто не читает, – говорила она. «Ночь»¹⁴. «Смерть коммивояжера»¹⁵. – Наверстывай за всех”. Эмили Дикинсон как-то написала, что ее отец читал “одинокие и строгие книги”. Вот и я превратился в задумчивого подростка, вечно окруженного одинокими строгими книгами.

Так я получил хоть какое-то подобие образования. На уроках английского я всегда выделялся – пусть потому лишь, что пугающее число моих одноклассников были почти неграмотны. Их родители довольствовались тем, чему нас умудрялись научить в школе (то есть на удивление малым), они вообще предпочли бы, чтобы их отпрыски занимались исключительно Талмудом.

– Что ты делаешь в библиотеке? – спрашивал мой друг Шимон. У него были до смешного длинные пейсы, которые он оборачивал дважды вокруг ушей, и доброе тонкое лицо, неизменно покрытое прыщами; рубашка его представляла собой мозаику клякс от обеденного кетчупа и пятен грязи от возни на перемене. – У тебя там какой-то *шиур*?¹⁶

– Думаешь, в библиотеке учат Гемару?¹⁷

– Угу.

Я покачал головой.

– А что тогда?

– Там книги, Шимон.

– *Сфарим*¹⁸, что ли?

– Нет, – ответил я. – Настоящие книги. Хочешь со мной?

Он нахмурился:

⁸ Заповеди, предписания (*ивр.*).

⁹ Колледж Стерна – ешива для женщин в Нью-Йорке.

¹⁰ Шидух – знакомство потенциальных супругов, которое устраивает шадхан, сват.

¹¹ Один из колледжей Колумбийского университета.

¹² Район в юго-западной части Бруклина.

¹³ Роман американской писательницы Мадлен Л’Энгл (1918–2007).

¹⁴ Книга о Холокосте американского писателя Эли Визеля (1928–2016).

¹⁵ Пьеса американского драматурга Артура Миллера (1915–2005).

¹⁶ Урок (*ивр.*).

¹⁷ Свод дискуссий и анализов текста Мишны. В обиходе Гемарой часто называют Талмуд в целом и по отдельности все составляющие его трактаты.

¹⁸ Священные тексты, написанные на иврите или арамейском.

- Мне нельзя.
- Почему?
- Отец говорит, такие вещи пятнают *нешаму*¹⁹.

* * *

Я люблю одно стихотворение Джейн Кеньон. Три строфы, десять строк, довольно грустное. Называется “В доме престарелых”, старение в нем уподоблено дикой лошади, которая пасется на привязи и день ото дня сужает круги, так что в конце концов они исчезают вовсе. В отрочестве мне казалось, что оно очень точно описывает удушье моего детства, нехоженую пустоту сжимающихся кругов, в которой я обитал. Порой мне представлялось, что я совсем один, вне мира, ни с кем и ни с чем не связан, точно незримые помочи, соединяющие человека с его окружением, в моем случае ослабли. Я ни с кем не был связан, приучился карабкаться по сжимающейся действительности без крюков и веревки. Мне оставалось лишь вглядываться в надвигающийся мрак и терпеливо ждать в одиночестве, словно лошадь у Кеньон, когда какая-нибудь сила, любая сила, заберет меня и перенесет в мою настоящую жизнь.

Родители сообщили мне новости в феврале, посреди тусклого снегопада.

– Арье, – отец нервно отложил приборы, промокнул губы салфеткой, – мы с *имой*²⁰ хотим с тобой кое-что обсудить.

Как правило, мы ели в тишине. Я был единственным ребенком, мать подавала на стол, поначалу мы, как положено, поддерживали беседу, но потом всегда замолкали. В большинстве знакомых семейств была куча детей (у Шимона, например, было семеро братьев и сестер), и все это в маленьком доме; обычно мне нравилось, что я сам по себе, но порою я невольно думал: быть может, в такой суматохе мне было бы менее одиноко.

Отец кашлянул.

– Я потерял работу.

Меня охватила грусть от его растерянного вида, от того, как мама пристально разглядывала грязное пятнышко на полу, от серой унылой метели за окнами. Я ничего не сказал, надеясь, что молчание мое истолкуют как сочувствие, а не как равнодушие.

– Тебя уволили? – наконец нашелся я (пожалуй, вопрос мой прозвучал бестактно).

– Формально нет. – Папа снова откашлялся, набираясь решимости. – В августе фирму закрывают.

Четырех человек в тесной сумеречной каморке во Флэтбуше вряд ли можно назвать “фирмой”, подумал я.

– То есть... сворачивают деятельность?

– Времена сейчас трудные, Арье, в экономике кризис.

Угу, кивнул я, в экономике.

– Мистер Вайнтрауб говорит, что ему придется нас закрыть.

– Кошмар, – мама теребила скатерть, – правда, Арье?

– Мне жаль, *аба*²¹, – сказал я.

Мне правда было жаль: отец человек порядочный, благородный, готовый недосыпать, никогда не пропускать миньяны²², не брать больничных, не жаловаться, что большая часть его скудного заработка уходит на оплату моего обучения. В общем, по моему мнению, он ничем не заслужил такого унижения.

---

¹⁹ Нешама – душа (*ивр.*).

²⁰ Има – мама (*ивр.*).

²¹ Аба – папа (*ивр.*).

²² Миньян – группа из десяти (или более) мужчин для совершения богослужения или проведения религиозного обряда.

– Наверняка ты скоро что-нибудь найдешь.

– Дело в том, Арье, – ответил он, – что здесь работы толком нет.

Я провел пальцем по кромке стакана с водой.

– Может, мистер Вайнтрауб тебе что-нибудь подыщет?

– Он тоже остался не у дел, *небех*²³. Но мне кое-что предложил один из деловых партнеров дяди Нормана.

– Дяди Нормана?

Папин старший брат, тучный, лысеющий тип, славился тем, что умудрялся вкладывать деньги в самые провальные затеи: закоптелый кошерный стейк-хаус, разорившийся через два месяца; только что открывшуюся прачечную самообслуживания в Куинсе; компанию, торговавшую неисправными пылесосами. Отец, как и большинство разумных членов его семейства, старался не связываться с Норманом.

– Ты доверяешь знакомым Нормана?

– Воздержусь от *лашон ара*²⁴. – Он примолк. – Но если честно, нет, конечно. Впрочем, мистер Вайнтрауб человек достойный. И мистер Вайнтрауб поручился за этого знакомого.

– А. – Я неуверенно взглянул на мать, надеясь, что она объяснит мне причину такой спешки. – Тогда хорошо.

Мама снисходительно улыбнулась.

– Ничего особенного, но платят больше. *Барух ха-Шем*²⁵. (Пауза.) Правда, есть одно “но”.

Я поднял брови:

– Какое?

– Работа эта не в Бруклине.

– А где? В Нью-Джерси?

Папа покачал головой:

– В Южной Флориде. В городе под названием Зайон-Хиллс.

– Во Флориде?

– Там гигантская еврейская община. Дядя Норман говорит, арендная плата там меньше, да и жилье лучше. Иму уже пригласили на собеседование в тамошнюю начальную школу.

– При чем эта школа может себе позволить такую роскошь, как грамотность и туалеты для учителей, представляешь? – Мама выдавила радостную улыбку. – Да и для старших классов там элитарная ешива. У нее блестящая репутация.

Я вдруг поразился тишине нашего дома – тяжелой, глухой. Я взглянул на отца и вернулся к еде.

– Ладно.

Наверное, тон, каким я это сказал, тот факт, что столь значительное решение не вызвало во мне отклика, можно было счесть тревожным признаком: на душе у меня беспокойно. Я редко смотрел фильмы, ведь это же Боро-Парк, там опасаются духовной заразы, но я знал, что в кино это наверняка был бы напряженный момент. Однако сам ничего такого не чувствовал – ни грусти, ни страданий из-за неожиданных перемен. Напротив, мысль о том, что я освобожусь от нескончаемого однообразия моего нынешнего существования, будоражила, точно предвкушение побега. Я устал от неизбывной, неумолимой чеховской скуки, устал сидеть в одиночку в библиотеках и сожалеть о том, что мне не дано изведать, – о мучительной любви, великих странствиях и *ностосе*²⁶. Где-то там, далеко, думал я, кипит лучшая жизнь, полная не только отголосков, но и звуков счастья. Бэкон утверждал, будто бы все люди поклоняются “идолам

---

²³ Увы, к сожалению (*идши*).

²⁴ Лашон ара – запрет произнесения любых слов, которые унижают других: сплетен, наговоров и прочего, в случае если они правдивы. Папа Арье фактически говорит: “Не хочу отзываться о нем дурно”.

²⁵ Слава Всевышнему (*ивр.*).

²⁶ Ностос – мотив в античной литературе, возвращение героя на родину.

пещеры”, то бишь тем верованиям, из которых и складывается наша натура и – по крайней мере, в моем случае – наш провал. Мои же идолы, как я теперь понимаю, были таковы: глубинное презрение к серому на сером²⁷ и нетерпимость к тому, что Фрейд называл “заурядно-безрадостной жизнью”.

Родители недоуменно переглянулись.

– Ладно?

– В смысле, я не возражаю, – сказал я.

– Быть может, тебе нужно подумать, – предположил отец.

– Меньше всего нам хочется вырывать тебя из привычного окружения, – добавила мать.

– Мы всё понимаем, – продолжал отец. – Если нужно, я могу на год найти какую-нибудь другую работу, пока ты не окончишь школу. Возможно, нам придется туговато, но мы ведь верим в *ашгах пратит*²⁸, верно? *Хашем*²⁹ порой устраивает все так, как и не ожидаешь.

Мать взяла меня за руку:

– Мы понимаем, что здесь вся твоя жизнь.

Я покачал головой:

– Я хочу уехать.

Я опустил глаза и продолжил жевать. На улице белел снег и сверкал лед.

* * *

Ребятам я рассказал обо всем лишь в июне, в наш последний день в одиннадцатом классе. Мы сидели на площадке за школой. На качелях Шимон, Мордехай и Реувен спорили о Гемаре, которую мы изучали: при каких условиях можно нарушить шаббат, чтобы спасти жизнь.

– Можно нарушить шаббат, чтобы спасти жизнь младенца, которому день от роду, – пылко заявил Шимон. – Так говорит раббан Шимон бен Гамлиэль³⁰.

– Ага, это как у врачей, – подхватил Мордехай. – Отрезать ногу, чтобы спасти тело. Нарушить один шаббат, чтобы потом соблюсти многие. Это же *пшат*³¹. Легкотня.

Шимон раздраженно цокнул языком.

– Не воруй слова Рамбама. Это плугиат.

– Плагият, – поправил Мордехай.

– Какая разница. *Штус*³².

– Нет. – Реувен раскачался, взлетел выше, и цепи, удерживавшие его над нами, застонали. – Вот тебе еще. – Он был долговязый, с жуткими зубами. Уверял, будто родители из религиозных соображений не разрешают ему носить брекеты. (“Не искажай тело твое, – педантично повторял он. – Так написано в Ваикре!³³”)

Шимон кашлянул, вытер руки о рубашку.

– Да?

– А если есть сомнение? – Когда Реувен задавал такие вопросы, взгляд его часто становился ледяным.

---

²⁷ Аллюзия на цитату из предисловия Гегеля к “Философии права”: “Когда философия начинает рисовать серой краской по серому, тогда некая форма жизни стала старой, но серым по серому ее омолодить нельзя, можно только понять; сова Минервы начинает свой полет лишь с наступлением сумерек”. В данном контексте серое на сером – синоним скуки.

²⁸ Божественное провидение (*ивр.*).

²⁹ Дословно – “имя” (*ивр.*). Здесь: Всевышний.

³⁰ Раббан Шимон бен Гамлиэль – правнук Гиллеля, один из десяти выдающихся еврейских мудрецов, казненных римлянами.

³¹ Пшат – прямой, буквальный смысл, простой уровень понимания Торы.

³² Штус – вздор, чепуха (*идиш*).

³³ Ваикра – одна из 54 недельных глав, открывает третью книгу “Ваикра” (в христианской традиции – книга Левит).

- Сомнение? – переспросил Мордехай. – Какое еще сомнение?
- Ну если ты не знаешь наверняка, умрет кто или нет.
- Неужели никто не помнит трактат Йома из Мишны? – Шимон пригладил правый пейс, точно хотел успокоиться. – Если дело срочное, то есть если это *пикуах нефеш*³⁴, тебе все равно надо спросить раввина? Мишна говорит, ты поступаешь как убийца.
- Мордехай кивнул:
- Да, чрезмерная набожность может стоить человеку жизни.
- То есть ты называешь меня убийцей? – с полуулыбкой уточнил Реувен.
- Мало того, – ответил Шимон, – если бы я был твоим раввином, на меня тоже пал бы позор – так учит Гемара.
- Реувен потрогал зубы, провел пальцем зигзаг от одного резца до другого.
- Почему?
- Потому что не объяснил тебе, что в данном случае нет *хава амина*³⁵, – сказал Шимон. – Потому что со своими дурацкими вопросами ты не спас чью-то жизнь.
- Окей, окей, теперь понял, – щелкнул пальцами Реувен. – А если это гой? Гои не соблюдают шаббат!
- Мордехай фыркнул:
- А это тут при чем?
- Я исхожу из того, – пояснил Реувен, – что ты не спасаешь будущие мицвот.
- Помнишь Санхедрин?³⁶ – Мордехай закатил глаза. – Если сосед твой тонет, ты обязан его спасти.
- Да, но разве это относится к гоям? – не унимался Реувен. – Распространяется ли этот закон на них?
- Мордехай покачал головой:
- Не веришь?
- Нет, – сказал Реувен.
- Шимон примолк.
- Ну, чисто теоретически...
- Арье, – возвысил голос Мордехай, – Арье, скажи им. Если кто-то тонет – еврей, нееврей, животное, кто угодно, – ты обязан его спасти.
- Я молча раскачивался, мысли мои блуждали, и вдруг осознал: я больше не могу скрывать от них то, о чем узнал в феврале.
- Я уезжаю.
- Шимон бросил на меня взгляд, досадуя, что я сбил его с мысли и помешал возразить.
- Что?
- Я уезжаю, – повторил я и уперся ногами в асфальт, чтобы остановиться.
- *Шкоях*³⁷, ты уже это сказал. – Обливающийся потом Шимон вытер лоб тыльной стороной кисти. – В библиотеку?
- Я уезжаю из Бруклина.
- Уезжаешь из Бруклина? – эхом откликнулся Реувен.
- Шимон нахмурился:
- То есть как это – уезжаешь из Бруклина?
- Переезжаю, – пояснил я. – В другое место.
- В город? – Темные глаза Мордехая зажглись.

---

³⁴ Пиквах нефеш – принцип, согласно которому спасение человеческой жизни превышает любых других религиозных мотивов.

³⁵ Здесь: не о чем рассуждать. Хава амина – предположение, суждение.

³⁶ Санхедрин – трактат в Мишне, Тосефте, Вавилонском и Иерусалимском Талмуде.

³⁷ Шкоях – здесь: молодец, спасибо.

– Почему *довки*³⁸ на Манхэттен? – Шимон отлично знал Тору, но его привычка обращать любой вопрос в талмудический раздражала. – Твой отец хочет, чтобы ты учился в тамошней ешиве?

Я вцепился в ржавеющий металл.

– В какой ешиве?

– В Верхнем Вест-Сайде. Для тех, кто несерьезно относится к Торе. – И, помолчав, добавил: – Ты несерьезно относишься к Торе.

Я позволил себе на миг отвлечься от разговора, представил школу, улицы, район и город вокруг меня, смешал шум машин, детей, животных, Гемары, смеха, плача, пения и молитв в один простой и неделимый звук, единственное звучание, чтобы можно было схватить его и раздавить в кулаке, превратить в тишину. Я выждал, сосчитал до пяти, а потом разжал кулак, чтобы звуки разделились и вновь зазвучали ясно.

– Я переезжаю во Флориду.

– Во Флориду? (Все трое вспыхнули от изумления.) А что во Флориде?

Шимон попытался остановиться и чуть не упал с качелей.

– Во Флориде нет ешив.

– Есть, конечно, – возразил Реувен. – У меня там кузен живет.

– Там есть пляжи, – тихо произнес Мордехай. – Красивые пляжи.

– Я никогда не был на пляже, – признался Шимон. – Мой отец говорит, пляжи... не *шайах*³⁹.

– Мой отец нашел там работу, – с каменным лицом пояснил я.

– У него же есть работа.

На меня вдруг навалилось отчаяние. Чтобы успокоиться, я представил себя героем Фицджеральда, замкнутым пылким неврастеником, чье благородство каким-то образом усугубляют невзгоды. Однако эта мысль утешила меня слабее, чем ожидалось.

– Теперь у него новая.

– И когда ты уезжаешь? – Реувен задумчиво сморщился.

– В августе.

– Вау, – бесстрастно произнес Шимон и театрально вздохнул. Некоторое время мы стояли в неловком молчании, только Шимон то и дело повторял: “Вау”. – А в твоей новой школе будут девушки? – наконец застенчиво спросил Шимон и переступил с ноги на ногу.

Я кивнул.

Шимон явно изумился. Реувен неуверенно улыбнулся, не понимая, как реагировать. Мордехай, самый опытный из нас (поговаривали, что он тайком встречается с дочерью рабби Моргана, который в седьмом классе вел у нас занятия, хотя я и не верил этим слухам), хлопнул меня по спине.

– Везет тебе, Ари Иден. – Он сощурил глаза. – Большинство из нас никогда отсюда не выберется.

* * *

Мой последний месяц в Бруклине таял с ужасающей быстротой. Мы лихорадочно собирали вещи, складывали все, что имели, – а имели мы очень немного – в коробки и фургоны. Я в одиночку бродил по району. Кое-что из вещей бросил: старые баскетбольные кроссовки, заношенные до дыр, забытые письма с поздравлениями, выцветшие карточки с *парашиот*⁴⁰,

---

³⁸ Здесь: именно.

³⁹ Здесь: неуместны, никуда не годятся.

⁴⁰ Парашот – абзацы в свитке Торы.

которые я выигрывал в школьные лотереи. В конце моих дней в Бруклине я стоял в голой комнате, таращился в зеркало, наблюдая, как исчезают семнадцать лет: мебели нет, комнаты опустели, все побелили. Впервые с тех пор, как родители сообщили о переезде, меня охватила тоска. Я грустил не из-за того, что мы уезжаем – напротив, мне наконец-то подвернулась восхитительная возможность поменять унылую, лишённую событий жизнь на что-то новое. Меня печалило осознание того, что порой мы оказываемся в опустевших домах, чтобы понять: мы не оставили никакого следа.

В последний день в Бруклине мы с Шимоном укатили на велосипедах в парк Бруклин-Бридж, расположенный в считанных милях от нашего района. Ехали в основном молча, изредка останавливались попить и передохнуть. В парк приехали к вечеру, солнце садилось в воду, небо стало ярко-фиолетовым, в воздухе пахло летом.

– Ну вот и приехали. – Отчаянно потеющий Шимон вытерся полотенцем и повязал им голову. – Можно тебя спросить?

– Валяй.

– Тебе не страшно?

– Уезжать? – По воде шла парусная яхта. Корпус легко покачивался на волнах. При виде качающейся яхты меня настиг невыразимый приступ морской болезни.

– Нет. Я хочу начать все сначала.

– Сколько мы с тобой знакомы?

– С садика.

Шимон оставил попытки вытереть пот.

– И я твой лучший друг?

– Да, пожалуй, – медленно ответил я.

– Я вот что думал.

– Что?

Он теребил пейсы.

– Прощаться с *сефер*⁴¹ легко.

– О чем ты?

– Когда мы заканчиваем сефер, читаем “хадран алах”. *Мы вернемся к тебе, и ты вернешься к нам.*

– Или хороним свиток.

– Да, – согласился Шимон, – если свиток испорчен.

– То есть ты хочешь сказать, что к свитку Торы привязан больше, чем ко мне?

– Нет, – уклончиво ответил он. – Я хочу сказать, что в случае с сефер мы знаем, что делать. Мы знаем, что снова увидим этот свиток.

– А со мной...

Он пожал плечами.

Я устремил пустой взгляд на реку, тускло серебрившуюся в сумерках.

– Ясно.

– Прощаться вроде как трудно, а вроде как и нет, – не унимался он. – Не знаю. Ты вроде и сам не очень грустишь?

Арье Иден, подумал я. *Шиур рава Глика. “Тора Тмима”. Боро-Парк. Бруклин. Нью-Йорк. Соединенные Штаты. Олам ха-зе*⁴². *Вселенная.*

– Нет, – признался я с очевидным отсутствием смущения.

– Наверное, потому что ты обычно грустишь. – Шимон вспыхнул. Меня охватило желание уйти, ускользнуть в сумерки и больше никогда с ним не встречаться.

---

⁴¹ Сефер-Тора – свиток Торы.

⁴² Этот мир (*ивр.*).

– Как думаешь, ты вернешься? – наконец спросил он, нарушив молчание, змеей прокравшееся между нами. Потом я часто спрашивал себя, что он имел в виду. Бруклин? Нашу дружбу? Религиозность? И не понимал. Все это было связано, все означало одно и то же.

– Нет, – ответил я, – вряд ли.

Мы посидели еще немного, глядя, как ночь опускается на мост, потом забрали велосипеды. Всю дорогу до дома мы ехали молча – из уважения к всеобъемлющему молчанию. Свернули на свою улицу, помахали друг другу на прощанье и расстались.

С тех пор я видел Шимона всего один раз.

* * *

Флорида встретила зноем, обдавшем нас в тот самый миг, когда автоматические двери аэропорта раскрылись, выпустив нас наружу, в выхлопные газы, на солнце, жаркое, как лихорадка. За считанные минуты, что мы ждали такси, я вспотел так, что одежда прилипла к телу. Как примерный бруклинский мальчик, я был в белой рубашке с длинными рукавами, заправленной в мешковатые черные брюки, белые нити *цицит*⁴³ плясали возле моих колен. Я чувствовал себя как Шимон и потел, потел.

До нашего района оказалось ехать недолго. Нам не терпелось увидеть новый дом, мать понукала таксиста – он говорил на ломаном английском и пропускал повороты – ехать быстрее. Последние несколько недель я только и слышал от нее, что Зайон-Хиллс великолепен: новенькие дома, в которых живут доктора, юристы, банкиры – “специалисты”, как называла их мать, приметы ее жизни до отца. И все равно разинув рот глазел на особняки в несколько этажей, поле для гольфа, спортивные автомобили, небрежно припаркованные на мощеных подъездных дорожках.

Мать опустила окно и указала на какое-то здание:

– А это старшая школа!

“Тора Тмима” занимала крохотный разваливающийся двухэтажный дом, асфальт перед ним растрескался, туалеты вечно засорялись, некрашенные стены доедала плесень, классных комнат было пять с половиной – с половиной, потому что, если позволяла погода, шиуры у девятиклассников проходили на крыльце, смотревшем на парковку. Эта же гигантская школа разительно от нее отличалась. Высотой в добрые пять этажей, вокруг баскетбольные площадки, зеленые полноразмерные футбольные поля, глиняные теннисные корты.

– Правда, изумительно? – Мать прильнула к окну, в голосе ее слышалась непривычная восторженность.

– Не так чтобы *хеймиш*⁴⁴, – еле слышно пробормотал отец, не разделявший маминых восторгов, и добавил, взглядываясь в дальнее футбольное поле, на котором голые по пояс игроки, толкаясь, гоняли мяч: – Похоже на гойскую частную школу.

Наконец, несколько раз заехав не в те переулки, наш водитель отыскал Милтон-драйв. Мы свернули на нашу улицу и сбавили скорость, высматривая дом номер 599.

– Вон он, – махнула мать и добавила, заметив, что таксист округлил глаза: – Нет, не тот огромный, а напротив.

Соседний дом, на другой стороне улицы, и правда был огромный: на сдвоенном участке высился особняк красного кирпича в смутно-тюдоровском стиле с большими витражными окнами, балконом, смотрящим на подъездную дорожку, гаражом на три машины и четырьмя автомобилями. Я в машинах не разбираюсь, но одна из них точно была “ауди”.

– Вот это да, – сказала мама, – ну и двор.

⁴³ Цицит – сплетенные пучки нитей, которые повязывают на углах талеса в память о заповедях.

⁴⁴ Здесь: домашний, родной (*идиш*).

Бассейн олимпийского размера я увидел лишь мельком: отец решил, что хватит нам глядеть на соседей (“Дом как дом, и зачем им столько комнат?”), и велел таксисту остановиться у нашего более скромного жилища.

Восхищения новым домом не ослабил даже гигантский особняк соседа. Мне сразу понравился наш новый дом – уютный, одноэтажный и существенно просторнее того, в котором мы жили прежде. Плиты подъездной дорожки выцвели и растрескались, трава побурела от зноя, перед домом росли две пальмы, а на заднем дворе я с удовольствием обнаружил маленький бассейн, бортики которого густо облепили бледные ящерицы.

– Ну как тебе, Арье? – нервно спросила мама, когда мы, выгрузив из машины вещи, замешкались на подъездной дорожке.

– Здорово, – совершенно искренне ответил я. Впервые на моей памяти меня переполняло летучее счастье, я радовался, что так далеко уехал от старой жизни.

* * *

Наскоро поужинав яичницей, мы несколько часов разбирали коробки, двигали мебель, переносили всевозможные вещи из одного угла комнаты в другой и обратно и наконец уселись в гостиной. Мы с отцом читали Талмуд, как вдруг зазвонил городской телефон. Мать на кухне взяла трубку; я услышал ее преувеличенно громкий смех. Такой незнакомый.

– Звонили соседи. – Мать влетела в гостиную. – Из дома напротив. Синтия и Эдди Харрис. По-моему, очень милые люди.

Отец недоуменно уставился на нее:

– Что им нужно?

– Пригласили нас завтра на барбекю.

Отец заложил пальцем Гемару. *Ущерб, нанесенный волами или маве, нанесен одушевленным существом. У огня души нет.*

– И что ты им ответила?

Она покраснела.

– Разумеется, что мы придем с удовольствием.

Отец легонько кивнул и вернулся к Талмуду. Не говоря больше ни слова, мы продолжили учиться.

* * *

В день барбекю ослепительно сияло солнце. Даже в изнурительном зное Флориды мы оделись как всегда: мы с отцом в черно-белом, мать – *цниют*⁴⁵ – с длинным рукавом, хотя я отметил, что она надела новое цветастое платье.

Мы робко позвонили в дверь, выждали несколько минут, любуясь мощными ступеньками, выложенными из камня, и дубовыми дверями на двойных петлях, мать радовалась возможности пообщаться с новыми знакомыми, отец выглядел так, будто предпочел бы оказаться где угодно, лишь бы не здесь. Нам не открыли, и в конце концов мы направились вокруг дома на задний двор, откуда доносился смех. Мы толкнули железную калитку и очутились на вечеринке.

Отец с неприкрытым ужасом обвел взглядом собравшихся. Жены в коротких ярких сарафанах держат бокалы с белым вином. Мужчины в поло “Берберри” сжимают банки с пивом. Юноши и девушки вместе резвятся в бассейне – смертный грех в нашей прошлой жизни. Осле-

---

⁴⁵ Здесь: скромно (*ивр.*).

пительно непривычное зрелище: богатство, очарование, залиvistый смех. У меня чаще заби-лось сердце.

– Здравствуйте, – прогудел сзади радостный голос. Толстяк в чистом белом поло хлопнул моего отца по спине, отчего тот вздрогнул. – Вы, наверное, Идены! – Отец незаметно посмотрел на его макушку. Кипы на уложенных гелем волосах не было. Наш новый сосед протянул мясистую руку: – Наши новые соседи! Даже не представляете, как я рад вам! От тех, кто жил в этом доме до вас, я был не в восторге. То есть, наверное, люди они хорошие, но уж очень закрытые. Нам так хотелось завести новых друзей. – Прищурясь, он обвел взглядом задний двор – пожалуй, самый впечатляющий из тех, что я видел: огромный бассейн, мраморная купальня, джакузи, бар, изгородь вокруг живописного поля для гольфа – и пожал плечами: – Не знаю, куда подевалась Синтия, наверное, ушла в дом. Идемте, я вас познакомлю. Кстати, меня зовут Эдди Харрис. Очень рад.

Отец натянуто улыбнулся; рука его в ладони Эдди казалась до смешного маленькой.

– Яаков Иден.

– Спасибо, что пришли, Яаков, – сказал Эдди и протянул руку моей матери.

Получилось ужасно неловко: мать недоуменно уставилась на его руку, не зная, как поступить – то ли, повинаясь приличиям, ответить пожатием, то ли соблюсти запрет прикасаться к людям другого пола, исключая родственников. Я моргнул, но Эдди быстро осознал свою ошибку и опустил руку.

– Черт, прошу прощения! – пролаял он. – Я как-то не подумал, извините меня за дурость...

– Ну что вы, – успокоила его мать, красная от смущения. – Ничего страшного.

Отец скривился, точно у него идет почечный камень, но Эдди и мать неловко улыбнулись друг другу.

– Я Лия.

Будь на месте Эдди кто-то другой, вышло бы неприятнее – пожалуй, такую неловкость не удалось бы загладить. Он же звучно рассмеялся, рассеяв напряжение.

– Не сердитесь на меня, такой уж я *шмок*⁴⁶. У нас тут мало кто строго соблюдает... как это называется? *Шомер негия*⁴⁷, точно. Может, и стоило бы, между нами говоря, я покажу вам одну парочку, о них такое говорят, хотя кто я, чтобы их судить? Сам-то я как-то не придаю значения этому правилу – мол, нельзя прикасаться к чужим. Только Синтии не говорите, а то она меня убьет. – Эдди расхохотался, перевел взгляд на меня: – А тебя как зовут, дружище?

Рукопожатие у него было крепкое.

– Арье.

– Да ладно. Так звали моего старика.

– Правда?

– Вот кто был настоящий *цадик*⁴⁸. – Он примолк, устремившись мыслями в небо. – Вам бы он понравился, – пробормотал он моему отцу.

Отец вежливо, но как-то неуверенно кивнул.

Эдди повернулся ко мне:

– А сколько тебе лет, парень?

– Семнадцать.

– Семнадцать? Ты в каком классе – одиннадцатом, двенадцатом?

– В двенадцатом.

---

⁴⁶ Шмок – шутивное ругательство, мужской половой член (*идии*).

⁴⁷ Негия – понятие Галахи, запрещающее телесный контакт с кем-либо, кроме супруга/супруги и близких родственников. Тот, кто соблюдает этот закон, называется “шомер негия”.

⁴⁸ Цадик – праведник.

– Здорово. Я так понимаю, будешь учиться в ешиве в Санни-Айлс? Там люди серьезные, не сомневайся. Я слышал, у них *мишмар*⁴⁹ три раза в неделю.

– Нет, я буду учиться в “Коль Нешаме”.

– В ту, о которой вы говорите, ехать намного дольше, – вмешалась мать. – Ну и нам сказали, что в “Коль Нешаме”, в общем, образование лучше.

– Ого, так ты будешь учиться в старой доброй академии “Голос души”?⁵⁰ Кто бы мог подумать! – Он улыбнулся лукаво, как мальчишка. – Тогда ты просто обязан познакомиться с моим сыном, вы с ним будете в одном классе. – Эдди оживленно сказал моим родителям: – Правда, здорово?

Они вежливо улыбнулись в ответ.

– Ноах Харрис! – рявкнул он, обернувшись к бассейну. – Где тебя носит?

Из воды вылез высокий зеленоглазый парень с длинными светлыми волосами, улыбкой точь-в-точь как у отца, чрезвычайно развитыми мышцами плеч и живота. Явно спортсмен.

– Рад познакомиться. – Он набросил на плечи полотенце. – Я бы пожал вам руку, но я весь мокрый.

– Полегче с рукопожатиями. – Эдди подмигнул моей матери. – Ноах, это Ари, он будет учиться в твоём классе.

– Да ладно.

– Яков, Лия, идем выпьем? Незачем нам дышать этим двоим в спину. – Эдди шутливо хлопнул меня по спине. – Яак, ты куришь сигары? Нет? Надеюсь, мне удастся приохотить тебя к односолодовому виски. У меня есть одна классная штука, ты обязательно должен это попробовать. Ноах, принеси Ари пива, а может, хот-дог, если он захочет? Не волнуйтесь, все кошерное.

С этими словами он приобнял своей большой рукой моего отца, внимательно следя, чтобы ненароком не коснуться моей матери, и увел их прочь.

Ноах проводил их взглядом. Его руки, свисавшие вдоль тела, были напряжены, словно вот-вот перехватят мяч. Интересно, подумал я, каково это – жить с такой проблемой.

– Кажется, тебя зовут Ари?

– Арье, – ответил я и поправился: – Сокращенно Ари.

– Откуда ты?

– Из Бруклина.

– Круто. У меня друзья на Лонг-Айленде. Знаешь там кого-нибудь?

– Кое-кого, – уклончиво ответил я, уверенный, что у нас ноль общих знакомых.

– Я был в лагере с Бенджи Вертхаймером. Знаешь его? – спросил он, стараясь завязать разговор. – Нет? Потрясающий разыгрывающий защитник.

Я покачал головой.

– А Ефрема Стерна? Окей, Наоми Спитц? Ширу Хаар? Она из Кингс-Пойнт. Ее все знают, она закатывает вечеринки в Хэмптонсе, очень красивая. – Он рассмеялся. – Не говори моей девушке, что я это сказал, – доверительно произнес он и указал на бассейн.

– Не скажу.

– Где ты учился?

– В “Тора Тмима”.

– “Тора Тмима”?

– Ага, – смущенно проговорил я.

– Никогда о ней не слышал. Она новая?

– Нет. Вообще-то нет.

---

⁴⁹ Так в ешивах называют длинный учебный день, до самого вечера, – обычно по четвергам.

⁵⁰ Так переводится с иврита название школы.

– А, значит, *фрум*⁵¹. *Штетл*⁵². Черные шляпы.

Как же мне было неловко. Должно быть, Ноаху, чья жизнь, по всей видимости, состояла из спортивной славы, пляжных домиков и летних вечеринок, я показался степенным учеником раввина, забредшим не в тот мир – или, по крайней мере, не в тот двор, то-то смеху. Мне не привыкать быть чужаком. В прошлой своей жизни я был чужаком, но таким, который понимает, что законы, управляющие всеми сферами жизни – как жениться, как думать, как завязывать шнурки, – неизменно продиктованы представлениями о морали. Теперь же, с Ноахом, я тоже был чужаком, но другим – тем, кто пытается спрятаться у всех на виду, не понимая, какие здесь действуют законы. Здесь притворяться своим будет еще труднее, чем в Бруклине, подумал я.

– В общем, да, – ответил я.

Он рассмеялся.

– Тут все немного иначе. У нас здесь соблазнов побольше, чем в “Тора...”... Как там дальше?

– Тмима.

– Да. Точно. Там ведь наверняка учатся одни парни?

Я скривился: как же быстро он меня раскусил.

– К сожалению, – признался я, стараясь сохранить хотя бы подобие самоуважения.

– Я бы в такой школе не выжил. Чокнулся бы, точно. – Он потер бицепс. – Идем, я тебя познакомлю.

Я нервно подошел вслед за Ноахом к краю выложенного мрамором бассейна. К нам подплыли две девушки.

– Дамы, – сказал Ноах, – знакомьтесь, это Ари Иден. Ари, это моя девушка Ребекка Надлер, а это не моя девушка, София Винтер.

– Рад познакомиться, – произнес я.

– Привет. – Ребекка подплыла ко мне, чтобы пожать руку. Ноах бросил на нее предостерегающий взгляд, она остановилась и, не растерявшись, помахала мне рукой. Она была высокая, спортивная, с волнистыми каштановыми волосами, большими зубами и крупными чертами лица. Но я не отрываясь смотрел на Софию, которая молча двигалась к бортику, – темные волосы, молочно-белая кожа, острый, чуть угловатый нос, тонкие, но сильные руки, небесно-голубые глаза.

Ноах хлопнул меня по спине: я слишком долго таращился на Софию.

– Откуда ты приехал? – Ребекка смотрела на меня с любопытством.

– Из Бруклина.

– В Нью-Йорке замечательно, правда?

Я едва не ляпнул, что моя жизнь в Нью-Йорке была какой угодно, только не замечательной, но вместо этого, повинувшись правилам приличия, кивнул.

– Здесь чересчур жарко. Я ужасно хочу переехать на север, хотя и знаю, что Ноах никогда не расстанется с родителями. Да ведь? – Она схватила его за руку и утащила обратно в бассейн.

Ноах со смехом плюхнулся в воду. Они вынырнули, Ребекка обхватила его сзади за шею. Я смущенно наблюдал, как они обнимаются. Вода касалась краев моих брючин, мочила мои новые черные кроссовки “Нью Бэланс”, но отойти я не решался. Я выдавил милую улыбку.

– Ничего, привыкнешь. – София подошла ближе. – Они все время обнимаются. – Пока она говорила, я не мог отвести взгляд от ее небесно-голубых глаз, и меня бросало в пот сильнее, чем от палящего солнца Флориды. Я вдруг поймал себя на том, что слишком часто моргаю и стою раскрыв рот. – Они вместе с шестого класса.

⁵¹ Религиозный, благочестивый (*идиш*).

⁵² Штетл – еврейское местечко, здесь в переносном смысле: нечто провинциально-ортодоксальное (*идиш*).

– Давно.

– Да, но мы-то с ней дружим с четвертого. А это значит... – она выдержала театральную паузу, – что все эти годы я пользуюсь славой “третьей лишней”.

– Да, беда, мы никак не можем от нее избавиться. – Ноах набрал в рот воды и фыркнул в Ребекку. Та в ответ тоже плеснула в него водой. – Может, сплавим ее тебе?

София смущенно улыбнулась, убрала мокрые пряди со лба и, переступив с ноги на ногу, устремила взгляд на зеленое поле за изгородью. В глазах ее мелькнула тень.

– Ты же не против? Она ведь такая красивая. – Ребекка лежала грудью на спине Ноаха. – Правда, Ари?

Я вспыхнул. Да, хотел ответить я, да, она очень красивая, я в жизни не видел никого краше. Вместо этого я пробормотал что-то неразборчивое, пристально разглядывая грязь на кроссовках. Подняв глаза, я заметил, что София смотрит на меня.

– Так ты к нам присоединишься?

– Не могу, – по-дурацки ответил я. – Плавки не захватил. Да и нам уже пора возвращаться... мы еще вещи не разобрали...

Она снисходительно рассмеялась.

– Я так понимаю, в Бруклине одноклассники и одноклассницы вместе не плавают. – Она отбросила волосы за спину, скользнула ко мне и, с вызовом глядя на меня, протянула руку. Я моргнул, помедлив, взял ее за руку и помог ей вылезти из бассейна, стараясь не думать о том, как возмутительно близко ее тело, как вода капает с ее подбородка, шеи, живота, бедер прямо мне на одежду, я отчаянно силился не глазеть на Софию, которая подошла к шезлонгу, взяла полотенце и принялась вытираться, и уставился на золотой браслет с гравировкой из скрипичных ключей, охватывавший ее левое запястье.

На ее шезлонге лежало “Бледное пламя”. Мне на лето задали ту же книгу.

– Нравится? – спросил я, стараясь увести разговор от моей вопиющей социальной неполноценности.

– Общаться с тобой? – София вытерла лицо полотенцем. – По-моему, не очень-то интересно. Или ты так не считаешь?

– Набоков. – Я указал на книгу.

Она явно удивилась, что я вообще произнес эту фамилию.

– А ты о нем разве слышал?

– Прочитал месяц назад. Так что да.

– Странное совпадение.

– Вряд ли. Мне в школе задали.

– В какой школе?

– “Коль Нешама”.

– Я думала, ты в двенадцатом.

– Так и есть.

Она набросила полотенце на плечи, как плащ, поправила черный купальник.

– Академия не берет новичков в двенадцатый класс.

– Кстати, да, – подал голос Ноах. – Помните Стиви Гласса? Он хотел перевестись к нам в двенадцатый, его не взяли. А он парень умный.

Я пожал плечами. Представил, как приеду в первый день в школу – и выяснится, что произошла ошибка, на самом деле меня не взяли.

– Меня вот приняли.

София по-прежнему вытиралась, оборачивала талию полотенцем, выжимала волосы. Я уже понимал, что навсегда запомню ее лицо.

– И как тебе это удалось?

– Подал заявление.

– Я догадалась.

– Наверное, им понравилось мое сочинение.

Переводился я просто: подал заявление, указал свои данные, в общем, ничего особенного, но вот дополнительное задание оказалось интересным: «*Ни один человек не выбирает зло ради зла. Он лишь ошибочно принимает его за счастье и добро, к которым стремится*» (Мэри Уолстонкрафт). *Раскройте тему на 2–10 страницах*». Прежде я сочинений не писал, и мне понравилось. Я отправил восемь страниц под заголовком «Бессмертные желания: страсти человеческие в литературе и в Гемаре Брахот Ламед Амуд Алеф».

София не скрыла изумления.

– То есть ты хочешь сказать, что не просто ухитрился поступить в «Коль Нешаму», но и записался на продвинутый курс по литературе?

– В Бруклине я плавал мало, – ответил я, – зато очень много читал.

София подбоченилась. У меня екало сердце всякий раз, как она поджимала губы.

– Ну ладно. И как тебе «Бледное пламя»?

Ноах ухмыльнулся:

– Ты посмотри на этих умников.

– Странное, – ответил я. – Но мне понравилось.

– Правда? Потому что оно какое-то натужное. Я не люблю, когда книга вдалбливает очевидное, – Кафка не в счет. По-моему, это признак того, что автору не хватает воображения. Да и в целом, по-моему, это вуайеризм. – Я понял, что София недвусмысленно пытается поставить меня на место. – Может, я оценила бы ее лучше, если бы прочитала «Тимона Афинского».

– А кто такой Тимон Финский? – спросила Ребекка.

– Афинский, – со смехом поправил Ноах, и Ребекка шлепнула его.

– Это пьеса, из которой Набоков позаимствовал название, – пояснила София. – «Луна – нахалка и воровка тоже: свой бледный свет крадет она у солнца»⁵³.

– Правда? Я не знал, – сказал я. – Но это все равно что утверждать, будто сперва нужно прочесть «Гамлета» и тогда лучше поймешь Набокова.

Тонкие мышцы на ее руках и плечах сжались.

– Почему именно «Гамлета»?

– Как там? «Смотри, светляк, встречая утро, убавляет пламя»⁵⁴. По-моему, это аллюзия, нет?

– Если я не так понял, простите старика, – вмешался Ноах, – но ты правда только что процитировал Шекспира у моего бассейна?

– Какая-то неоправданная одержимость пламенем, – сказала Ребекка. – Может, сменим тему?

– Я всего лишь хочу сказать, – пояснил я, залившись краской, – что если ты ищешь важные источники для «Бледного пламени», можно было бы и перелистать «Гамлета». По мне, так они равно бесполезны, начнешь читать – запутаешься.

Она взглянула на меня так, что я не понял, то ли она смотрит на меня, то ли куда-то вдаль.

– Это я-то запутаюсь?

– Нет, конечно, – запинаясь, пробормотал я, – не ты, я имел в виду, в общем...

– Я так поняла, ты читал «Тимона Афинского» просто для смеха?

– Нет, – смущенно признался я, – еще не читал.

– Сосед-бруклинец, – рассмеялась Ребекка. – Робот, цитирующий Шекспира.

---

⁵³ У. Шекспир. «Тимон Афинский». Перевод Н. Мелковой.

⁵⁴ У. Шекспир. «Гамлет». Перевод Б. Пастернака.

– Иисусе, – сказал Ноах. – Обычно с сочинениями я обращаюсь к Софии или Эвану (услышав это имя, Ребекка шлепнула его под водой, а София отвернулась), теперь же, пожалуй, понесу свои таланты в дом напротив.

Я не знал, что делать – то ли гордиться тем, что произвел на них впечатление, то ли стесняться своей любви к Шекспиру, которая, как я понял, считается еще большим отстоем, чем детство в Боро-Парке.

– Арье, – издали окликнул меня отец. То, что я стою рядом с девушкой в бикини, казалось, причиняло ему физическую боль. Следом за отцом шли моя мать и мать Ноаха, высокая, хорошо одетая; они о чем-то разговаривали. – Мы уходим.

– Рад был познакомиться, сосед, – сказал мне Ноах и посмотрел на моего отца.

– Ладно. – София протянула мне руку, и я ответил на пожатие, несмотря на то что отец не сводил с нас глаз. – А с тобой не так уж скучно спорить.

– И с тобой. – Голос мой дрогнул. Ее рука горячила мою.

– Увидимся, Гамлет.

Задыхаясь от смущения, я выполнил бессвязные действия – неестественно рассмеялся, наскоро попрощался – и отошел к родителям.

* * *

Потянулись беспокойные дни – дни, когда я разбирал вещи, наводил порядок в комнате, расставлял книги. В Бруклине эти книги, которые я урывал на уличных ярмарках, барахолках, в пыльных букинистических магазинах, были моим убежищем. Я уверил себя, что если одолею эти труды, то научусь мыслить абстрактно, обрету знание, утишающее печаль, знание, которое изолирует меня от самой изоляции. Когда я стал подростком, стопки книг из моей комнаты, множась, выплеснулись за ее пределы, заняли кухонный стол, потеснили отцовские *сефарим*⁵⁵. “Сын мой, остерегайся составлять много книг, – ворчал отец, изгоняя Рота из нашей новой роскошной гостиной и расставляя на полках *мишнайт*⁵⁶, – конца не будет, а много читать – утомительно для плоти”⁵⁷. И, вместо того чтобы изучать новый город, я занялся Хемингуэем и Фицджеральдом, время от времени поглядывал в окно на соседский особняк и лихорадочно соображал, как мне преодолеть непроницаемый барьер, что отделяет меня от жизни Ноаха, Ребекки и сногшибательной Софии Винтер.

Случай представился раньше, чем я надеялся. Через три дня после барбекю ко мне нагрянул неожиданный гость.

– Как дела, сосед? – Казалось, Ноах с трудом помещается в наш дверной проем. – Занят?

Дома никого не было: у матери и отца первый рабочий день. Я пригласил Ноаха войти, спросил, не хочет ли он чего-нибудь выпить.

– Пиво есть?

Я представил, как отец, вернувшись с работы, потягивает пиво над страницей Талмуда.

– Нет.

– Ну и ладно. Тогда дай воды.

Я налил ему стакан и сел рядом с ним за кухонный стол.

– Хорошо у вас, – непринужденно заметил Ноах.

– Видел бы ты наш старый дом. Вполовину меньше этого.

– Да ну? – Он отпил воды, обвел взглядом кухню. – Вы уже разобрали вещи?

---

⁵⁵ Священные книги (*ивр.*).

⁵⁶ Мишнайт (множ. форма от мишна) – религиозно-юридические сборники, древнейший после Библии свод законов.

⁵⁷ Свиток Коэлет (Екклесиаст), 12:12.

– Более-менее. – Оставалось еще несколько коробок, но мать, не щадя сил, торопилась навести порядок. Мы с отцом вносили посильную лепту, выполняли мамины указания, но чаще слонялись по дому, расставляли свои вещи и привыкали к новому месту.

– Тебе понравилось у нас?

– Ага, – выпалил я. – Было круто. (Пауза.) Спасибо, что пригласили.

– Мои родители любят гостей. Говорят, что в доме должно быть полно народу, иначе грош ему цена. – Он произнес это вовсе не снисходительно. – Ребс передавала привет, сказала, ей было приятно с тобой пообщаться.

– Мне тоже, да, она замечательная.

– А как тебе София? Вот вы с ней распустили хвосты, как два павлина, с этим вашим Набоковым.

Я почесал подбородок, отчаянно притворяясь, будто его похвала меня ничуть не трогает.

– Да, было... интересно.

– Очень. – Он подмигнул, отпил большой глоток воды, вытер губы. – Помнишь, ты обещал помочь мне с сочинением? Я решил воспользоваться твоим предложением. (Ничего такого я не предлагал, чуть было не сказал я.) Ты уже написал работу по “Бледному пламени”?

Написал. Причем еще в июле, настолько мне не терпелось всерьез налечь на учебу.

– Да.

– Тогда... – он достал из кармана сложенные листы бумаги, – может, глянешь? А то оно, как бы это сказать, сыровато.

Я развернул его сочинение, пробежал глазами.

– Мне ужасно неудобно тебя беспокоить, но мне с самого начала нужны высокие оценки, мне же поступать. Да и Эван, – Ноах упоминал о нем в бассейне, – еще не вернулся, он в Европе, или в Южной Америке, или где там его черти носят, за ним не уследишь, а Ребс не хочет, чтобы я напрягал Софию, а Амир, ты его не знаешь, но он тот еще отморозок, то есть вообще отмороженный на всю башку, особенно теперь, в выпускном классе... А ты, похоже, разбираешься, что к чему.

– Не вопрос, – перебил я.

Он просиял.

– Точно? Если трудно, не парься. Правда.

– Не трудно. Но я не обещаю, что получится хорошо.

– В жизни не поверю. – Он допил воду, встал, я проводил его до двери. – По моему опыту, люди, которые с ходу цитируют “Гамлета”, запросто причешут сочинение своего приятеля.

– Видел бы ты мою школу...

– Да мне любая помощь сгодится. Если честно, я в этом вообще не смыслю. – Он стукнул кулаком о мой кулак. – Ты сегодня вечером занят?

– Да вроде нет.

– Тогда поехали с нами. У Лизы Ниман сегодня вечеринка. Она клевая. Может, ты ее уже видел в городе? Рыжая-прерыжая, волосы торчком, красит пряди в фиолетовый, серебристый и прочие безумные цвета. Любит шутить, что это бунт против рыжести.

– Против чего?

– Извини, я не хотел обидеть рыжих. – Он примолк. – У тебя, наверное, девушка рыжая?

– Что? Нет.

Он рассмеялся грудным смехом, точь-в-точь как его отец.

– Ребекка постоянно твердит, что у меня талант ляпнуть не подумав. Так, значит, у тебя нет девушки?

Мог бы даже не спрашивать.

– Нет.

– Хорошо, я это запомню. Тогда, может, займешься Лизой?

– Не знаю, – пробормотал я.

Он ухмыльнулся.

– В общем, она сегодня звала всех желающих. Родители у нее мануальщики, они свалили в Атланту на какой-то съезд мануальщиков, кому скажи, не поверят, но Лиза говорит, это правда. – Он задумался. – Ну да это неважно. А важно то, что у Ниман вечеринка, вот мы тебя там со всеми и познакомим.

Я попытался выдумать предлог, чтобы не ехать. Нам с отцом надо заниматься? Разбирать вещи?

– Ну, я...

– Возражения не принимаются. Познакомишься с народом.

– Да, но...

– Вот и отлично. Ты на машине?

Машины у меня не было. Мы перегнали из Бруклина два автомобиля, мамину старую “хонду сивик” и папин “ниссан верса”. В Нью-Йорке мне машина была не нужна – куда бы я ездил, в библиотеку? – но я понимал, что прикатить на вечеринку на велосипеде немыслимо, меня засмеют.

– Нет, – смущенно признался я.

– Ладно, поедешь со мной. Мобильник у тебя есть?

– Есть.

Он протянул мне айфон, я набрал свой номер.

– Круто. В восемь?

– А что я родителям скажу? – выпалил я, не подумав.

Фирменный смех Харрисов.

– Скажи им, что мы с тобой поедем гулять, или есть мороженое, или как вы там развлекаетесь в Бруклине.

Он хлопнул меня по плечу и направился к себе.

* * *

– Говорю тебе, эти дети совершенно другие.

За ужином мать с восторгом описывала свой первый рабочий день.

Отец положил себе еще ложку соуса к мясу.

– В каком смысле?

– Начнем с того, что они на световые годы опережают четвероклассников, которых я учила раньше, притом что эти милые малыши только во втором классе. Я не преувеличиваю, Яаков. На световые годы. Как они читают, пишут, делят в столбик. Половина из них уже знают, в какой колледж будут поступать, и рассуждают о политике. Хоть один из моих четвероклассников в “Тора Тмима” разве знал, как зовут президента?

– Шломо Мандельбаум, – сказал я, накручивая спагетти на вилку. – Он точно знал, что к чему.

– Верно. Значит, только один.

– Интересно, – произнес отец. – Светский мир понимать очень важно. Но во всем есть свои плюсы и минусы. Вряд ли они станут изучать Хумаш⁵⁸, например.

– Не знаю. – Мать отложила вилку. – Я совсем не удивлюсь, если станут, особенно если их родители решат, это все равно что изучать иностранный язык. Эти дети занимаются с репетиторами едва ли не с самого рождения. Они развиты не по годам, даже, пожалуй, слишком.

---

⁵⁸ Тора, Пятикнижие Моисея.

На уроках сущие ангелы, хотя молиться не любят. Один пинал мячик во время “Алейну”⁵⁹. В общем, я пока ничего не понимаю.

– Кстати, – с набитым ртом проговорил отец, – я сегодня все забронировал.

– Что забронировал? – спросил я.

– Гостиницу на бар-мицву Меира. Норман уломал меня заказать через знакомого турагента.

– Наверное, ему платят проценты с каждой сделки, – пробормотала мать. – Этому *гоноффу*⁶⁰.

– Наверное, – согласился отец.

Я прикусил щеку.

– А если у меня в школе мероприятие, которое я не могу пропустить?

Отец нахмурился:

– В школе?

– Да.

– Время еще есть, – сказала мать. – Если тебе правда нужно, мы отменим бронь.

Отец чуть не поперхнулся газировкой.

– Он не поедет на бар-мицву двоюродного брата?

– Там видно будет. – Не обращая внимания на отцовское выражение лица, мать протянула мне блюдо с картофельным пюре. – Ари, расскажи нам, как прошел твой день.

– Хорошо. Спокойно. Кстати, вечером я пойду погуляю.

– Да? – Мать приятно удивилась. – С кем?

Я отпил воды.

– С парнем из соседнего дома.

– С Ноахом, что ли?

– Да.

– Он хороший, правда, Яков?

Отец задумчиво уставился в свою тарелку. На подбородке его застыла капля соуса.

– Правда, – согласился он. – Но они совершенно другие люди.

Мать нахмурилась:

– В каком смысле?

Отец невинно пожал плечами.

– И все-таки мне интересно, что ты имеешь в виду. – Мать приподняла брови.

– Я имею в виду, – пробубнил отец, – что Ноах Харрис далеко не Шимон Леви.

– Глупости. По-моему, он вполне *мениш*⁶¹.

– В разных местах разные ценности. Ты сама сказала: здешние дети на световые годы впереди.

– Вообще-то я говорила об успеваемости. – Мать положила приборы на тарелку. – Так что позволь с тобой не согласиться.

– А что они вытворяют во время молитвы?

Мать, не глядя, убирала со стола.

– Скажи мне, Арье, – отец посмотрел на меня, – куда ты идешь?

Я пожал плечами:

– Сам не знаю. – И я почти не соврал, хотя впервые в жизни утаил от родителей правду. –

Ноах хочет познакомить меня с одноклассниками.

– Вот хитрюга, – еле слышно произнесла мать.

---

⁵⁹ Заключительная молитва ежедневной литургии.

⁶⁰ Вор (*идиши*).

⁶¹ Благородный, добрый и хороший человек (*идиши*).

– А те девушки, – поинтересовался отец, – с барбекю?

– Что девушки?

– Они тоже будут?

– Не знаю. – Я покраснел.

– Разумеется, будут, – ответила мать. – И Ари непременно нужно с ними пообщаться.

Раз уж им еще год вместе учиться, верно?

Отец вновь сосредоточенно принялся за спагетти.

– Синтия нам рассказала о девушке Ноаха, – продолжила мать, – она милая, они уже много лет вместе.

– Ее зовут Ребекка, – сообщил я.

– Подумать только, они такие юные – и уже любят друг друга. – Мать отвела глаза, покрутила кольцо на пальце. – А с другой стороны, почему бы и нет?

* * *

Почти восемь. Я сидел в своей комнате, закрыв дверь, и нервно перелистывал сочинение Ноаха. Наконец у меня зазвонил телефон.

Я вскочил с кровати, посмотрел в зеркало. Густые, непослушные каштановые волосы растрепаны, кроссовки поношенные, не поймешь, мужские или женские, вместо рубашки с длинным рукавом я надел поло, отчего мой стандартный черно-белый наряд выглядел не так уныло. Я уже давно тщательно брился, почему же именно сегодня решил оставить щетину? Почему края моих бровей так упорно стремятся к вертикали? А вдруг набрать хотя бы десятую часть мышечной массы Ноаха физически невозможно? Другие люди тоже считают свое лицо совершенно невзрачным, таким, на которое взглянешь – не запомнишь? Недовольный увиденным, я глубоко вздохнул, заправил ципит в штаны и вышел из комнаты.

– Има?

Растянувшись на диване в гостиной, она читала очередную книгу из списка бестселлеров “Нью-Йорк таймс”. Как обычно, о самопомощи и воспитании детей.

– Аба на *минхе*⁶², – не поднимая глаз, сказала мать.

– За мной Ноах пришел. Я ухожу.

Она замялась.

– Ари?

Я открыл входную дверь:

– Что?

Я ждал напутствия вести себя хорошо, вернуться не поздно и прочитать *маарив*⁶³. Но мама бросила на меня многозначительный взгляд.

– Повеселись хорошенько, – негромко сказала она. – Это важнее, чем ты думаешь.

На подъездной дорожке негромко урчала черная “ауди” Ноаха. Рядом с ним сидела Ребекка. На миг я усомнился, не мираж ли это. И робко приблизился к ним.

Ноах опустил стекло, и на дорожку хлынула электронная музыка. Ребекка убавила звук, потянулась через Ноаха поздороваться со мной.

– Ари!

– Залезай, – сказал Ноах. – Они подвинутся.

Сзади сидели два парня. Тот, что дальше от меня, был тощий, бледный, с прилизанными светло-каштановыми волосами, тонким носом и большими очками в черной оправе, явно не

---

⁶² Ежедневная послеполуденная молитва. Может читаться до захода солнца, в будние дни она должна быть прочтена во время рабочего дня.

⁶³ Ежедневная вечерняя молитва.

из дешевых. На нем была отглаженная оксфордская рубашка и обтягивающие бледно-серые джинсы.

– Приветствую, – он надменно кивнул, – Оливер Беллоу.

Второй парень – “Амир Самсон, рад познакомиться”, – сказал он и протянул мне руку – был светлокожий, с густой бородой, редующими каштановыми волосами и угольными глазами; когда он улыбался, они превращались в черные щелочки, а брови у него были такие густые, что казалось, Амир постоянно хмурится. Я не понял, кто он и откуда – то ли из Латинской Америки, то ли из Южной Европы; зубы у него были крупные, белые, лицо квадратное, скулы высокие, нос римский, чуть с горбинкой. Мы с ним единственные были в кипах.

– Йоу, двигайтесь, – рявкнул Ноах. – Дайте сесть.

– Оливер, сядь в середину, – сказал Амир. – Ты тут меньше всех.

– Не там, где это важно, – парировал Оливер. – Это бесчестье, если можно так выразиться, выпало тебе.

Ребекка обернулась ко мне:

– Я бы сказала, что они не всегда такие зануды, но они всегда такие.

– Давайте я сяду в середину, – предложил я, смутившись под ее пристальным взглядом.

– Как великодушно со стороны нашего гостя, – произнес Оливер, когда я неловко пролез между ними. – Погодите, а что, за Эваном не поедем?

Опять это имя.

– Не-а, – ответил Ноах, – он еще не вернулся.

Ребекка переключила радио на “99 Джемз”.

– А когда он приезжает?

– Вроде на этой неделе, – сказал Амир. – В четверг или в пятницу.

Оливер зевнул, поставил ноги на спинку сиденья Ноаха.

– И где он сейчас?

Амир потерял бороду.

– Разве ты не знаешь, где твой босс?

– Не помню.

– Тебе травка память отшибла?

– Он в Испании, – сообщил Ноах. – Учится и отдыхает.

Оливер принялся грызть заусенец.

– Испанцы крутые, ты в курсе?

Молчание затянулось, но я наконец сообразил, что он обращался ко мне.

– Нет, не в курсе.

– Отстань от него, Оливер, – сказала Ребекка.

Оливер не сводил с меня глаз:

– Ты был в Испании?

Амир фыркнул:

– Ишь ты, как Оливер разговорился.

– Нет, никогда, – ответил я.

– А где ты обычно отдыхаешь? На Мальдивах? Суккот в Израиле? Песах в Греции?

– Дурак ты, Оливер, – не сдержался Амир.

– А ты лысеешь, Амир, – не остался в долгу Оливер.

Амир достал телефон, принялся машинально листать инстаграм, лайкнул пост какой-то фирмы, консультирующей абитуриентов.

– Ребс, теперь ты понимаешь, почему я говорю, что он ненормальный?

– Думаю, она давно это поняла, – ответил за нее Ноах, – классе во втором.

– Чего вы? Я просто хочу познакомиться, – сказал Оливер. – Ну да ладно. Эван. В Испании. Наверняка отрывается по полной.

Ребекка взглянула в зеркало заднего вида:

– Не будь свиньей.

– Ладно тебе. Ты просто защищаешь Софию, – парировал Оливер. Я насторожился, смущенно огляделся. – Между прочим, никто не запрещает Софии делать то же. Я уж точно. Я бы никогда себе этого не позволил.

– Размечтался, – отрезала Ребекка. – Фу, гадость.

Оливер подмигнул мне. Я в ответ поджал губы.

– Где она была этим летом? – переменял тему Амир. – Я ее месяца два не видел.

– За границей, – ответила Ребекка. – Но уже вернулась.

– Где за границей?

– В Кении.

Амир нахмурился:

– А разве она не проводит исследование по интервенционной кардиологии в университете Майами или что-то типа того? Вроде бы друг ее отца там заведует лабораторией?

– Да, но это было в конце июня, – пояснила Ребекка. – А потом она поехала в Кению.

Амир рассеянно, усердно хрустел костяшками.

– И что в Кении?

– Она волонтерит в какой-то организации, которая учит сирот музыке. Что-то в этом роде.

– Сироты и музыка, да? – Амир покачал головой. – То-то ее анкета заиграет.

– Внимание, леди и джентльмены, – объявил Ноах, – крысиные бега! Смотрите, Амир Самсон ведет, кто бы мог подумать!

– Пошел ты, – сказал Амир.

– Расслабься, шучу я. – Ноах свернул на подъездную дорожку. – Успокойся уже. Мы приехали.

Оливер посмотрел на дом:

– Только мне хочется свалить отсюда и пойти в “Трес амигос”?

– Хватит, – сказала Ребекка. – В кои-то веки веди себя прилично.

Перед домом стояли четыре машины; сам дом был средних размеров (по крайней мере, по сравнению с теми особняками, которые я здесь видел), но все же решительно больше любого в нашем квартале в Бруклине. К моему облегчению, в доме было тихо. Я с ужасом представлял оглушительную музыку, лужи рвоты и полуголых людей.

Оливер постучал в дверь. У него был рюкзак с логотипом “Майами Хит”⁶⁴.

– Бухло и наркотики, – пояснил он, заметив мой взгляд.

Дверь приоткрылась, и показалась невысокая веснушчатая девчонка с огненно-рыжими волосами, в которых действительно виднелись синие пряди.

– Привет! – При виде моих спутников она просияла. Чуть погодя озадаченно уставилась на меня: – Я тебя знаю?

– Это Ари Иден. – Ноах шагнул ко мне, приобнял меня за плечи. – Он с нами.

Недоумение на ее лице сменилось улыбкой. Рыжая протянула мне руку:

– Лиза Ниман. Рада познакомиться, Ари.

– И я.

– Очень трогательно, – вмешался Оливер, – ты наспустишь или как?

Она распахнула дверь, шагнула в сторону.

– Все на заднем дворе.

За домом было человек десять. Они сидели на складных стульях вокруг маленького бассейна, курили полупрозрачный кальян. Оливер оглядел компанию, что-то пробормотал, выра-

---

⁶⁴ Профессиональная баскетбольная команда.

жая недовольство составом гостей, порылся в рюкзаке, выудил свернутый косяк и заложил за левое ухо.

– Шмалишь?

Я устремил на него озадаченный взгляд, и он ответил мне взглядом не менее озадаченным.

– Ты куришь марихуану? – медленнее и отчетливее повторил он, точно для иностранца, кем я, пожалуй, и был.

– Ах, это. Нет, спасибо.

Он сунул мне рюкзак. Я нащупал внутри бутылку.

– Тогда сделай доброе дело, поддержи. – Он повернулся к Ноаху и Амиру: – Ну что, побыстрому?

Амир отошел в сторонку, чтобы его не увидели рядом с косяком.

– Смешно.

– Извини, приятель. – Ноах взмахнул большими руками. – Баскетбольный сезон.

– Он еще не начался.

– У меня начался. Я уже месяц тренируюсь.

– Господи, когда же Эван вернется. – Оливер раздраженно покачал головой, достал из-за уха косяк и обернулся к собравшимся: – Будет кто?

Встали два парня.

– Барух ха-Шем, – сказал Оливер. – А то я уж боялся, что летом вас всех кастрировали.

Двое парней – один блондин-латиноамериканец, второй широконосый, в очках – направились за Оливером к дому. Я же следом за Ноахом нашел свободный стул и сел, чувствуя, что на меня все смотрят. Я заметил, что Софии здесь нет. Предвкушение, вихрившееся в груди, утихло.

– Познакомьтесь, – откашлявшись, властно произнес Ноах, – это Ари Иден. Он переехал из Нью-Йорка.

Я вежливо кивнул, жалко помахал рукой. За недолгими равнодушными улыбками не последовало ничего. Правда, сидевшая справа от меня девушка, блондинка с длинным тонким носом и внимательным взглядом, протянула мне руку:

– Джемма.

– Ари.

– Рада познакомиться. Ты только что переехал?

– Да.

Она скептически посмотрела на меня.

– Вау. Ты, наверное, готовишься к *смихе*?⁶⁵

– Нет.

– Кажется, в Корал-Гейблс учат раввинов.

– Откуда мне знать.

– Просто ты так одет. – Она обвела рукой мой наряд: болотные штаны сидят мешком, поло болтается. Другие, казалось, следовали негласному кодексу: обтягивающие джинсы, белые кроссовки, футболки с V-образным или круглым вырезом, украшенные вызывающими рисунками.

– Хочешь сказать, я немодный?

– Извини, я не хотела тебя обидеть.

– Да что ты, так и есть. Я шучу. Видела бы ты меня до того, как я переоделся в это.

Она великодушно улыбнулась.

– Откуда ты знаешь Ноаха и парней?

---

⁶⁵ То есть стать раввином.

- Я их не знаю.
- Не знаешь?
- То есть мы только что познакомились.
- Ясно. А Эвана знаешь? Где он, кстати?
- Я часто слышал это имя.
- Да кто его не слышал. Это же Эван Старк. Говоришь, откуда ты – с Верхнего Вест-Сайда?
- Нет. Вообще-то из Бруклина.
- Гм. – Джемма проверила сообщения в телефоне. – В Нью-Йорке его *точно* знают.
- Я не знаю.
- Не может быть. Он самый умный в школе. У него IQ под 190.
- Ничего себе.
- Да, учителя от него в восторге. С директором они лучшие друзья. Не говоря уж о том, что раньше Эван встречался...
- Мы с ним незнакомы, – перебил я.
- У нее вытянулось лицо.
- А.
- Я сосед Ноаха, – добавил я, стремясь побороть ее разочарование. Скучливый взгляд ее прояснился.
- Ноах лучший. Его все любят.
- Похоже на то.
- Я серьезно. Вообще все.
- И я понимаю почему.
- Ты знаешь, что он капитан баскетбольной команды? Он всегда был хорош.
- Догадываюсь.
- По-моему, у них это семейное. Его сестра играет в волейбол за колледж. И все равно. – Она придвинулась ближе: – Это правда, что о нем болтают?
- А что о нем болтают?
- Да много чего, все не упомнишь. Якобы они швыряли “ролексы” в океан. А их отцы – я, разумеется, не про отца Амира – вели торговые войны. Окей, скорее всего, это выдумки, мало ли что говорят, но вдруг?
- Мне правда нечего тебе сказать, – вежливо ответил я.
- Просто они... особенные, понимаешь? Обычные люди не могут просто так взять и приехать с ними на вечеринку, вот что я имею в виду, тем более... – она окинула меня взглядом, – если они только что переехали в наш город, скажем так.
- Я не обиделся на ее намек. Она была права: достаточно пообщаться со мной полминуты, чтобы понять, до какой степени я категорически зауряден. Особенно в эти первые дни я часто воображал, каким меня, должно быть, видят люди – те, для кого социальный капитал прямое следствие богатства, ума, красоты и романтических достижений. Я представлял, как наблюдаю за собой со стороны: вот я сижу рядом с Джеммой, силюсь подобрать слова, отираю пот. Из прибежища этой второй сущности я наслаждался двумя новыми ощущениями: схожестью с людьми обычными и общением с людьми особенными.
- Я посмотрел на Ноаха. Оживленно жестикулируя, он с помощью Амира рассказывал какую-то историю. Слушатели хохотали. Джемме передали кальян. Она чрезмерно глубоко затянулась и протянула трубку мне. Я отказался:
- Я не курю.
- Я тоже, – произнесла она. – Это не считается курением.
- Почему?

– Потому что от этого не поймаешь кайф. – Она затянулась еще раз, сунула мне мундштук. Я снова отмахнулся. – Как хочешь, – сердито сказала она, – он не вызывает рак.

Неожиданно вернулся Оливер, глаза у него были болезненно красные.

– Иден?

– Что?

– Рюкзак верни.

Я поднял с земли рюкзак, протянул ему, чувствуя тяжесть бутылки внутри.

– Не хочешь присоединиться ко мне и накидаться как следует?

Джемма вскочила на ноги:

– С удовольствием.

Оливер раздраженно моргнул.

– Я имел в виду тебя, мой новый друг, – пояснил он, не сводя с меня взгляда.

Джемма завистливо уставилась на меня.

– Нет, – пробормотал я, едва не лишившись дара речи от такого неслыханного предложения, – вообще-то я не...

Оливер закатил глаза и, потеряв ко мне интерес, обернулся к остальным:

– Кто хочет нажраться?

Его слова приняли благосклонно; затянувшись напоследок кальяном, гости (а с ними и я) перебрались на кухню, Оливер достал из рюкзака бутылку текилы “Хосе Куэрво”, ткнул мне в грудь красный стаканчик:

– Пей. – Оливер расплылся в дурацкой улыбке, взгляд его остекленел. – Если уж Амир бухает, тебе тоже можно.

– Не обращай на него внимания, – скривился Амир. – Он гонит.

Оливер отпил большой глоток.

– Между нами говоря, – прошептал он, когда Амир отвернулся, чтобы с кем-то поздороваться, – на его месте я бы уже и на крэк подсел. Неудивительно, что он пьет.

– Почему?

– Из-за ситуации в семье. Мама, дед. Сам увидишь. – Оливер поднял стаканчик и отошел от меня.

Подплыли две девицы. Первая, невысокая шатенка, не обращая внимания на меня, обняла Амира. Вторая, светло-рыжая, повыше ростом, оглядела меня с интересом:

– Что пьем?

– Вообще-то ничего, – ответил я.

– Текилу Оливера, – пояснил Амир.

Та девица, что обнимала Амира, выхватила у него стаканчик.

– У Оливера хороший вкус.

– Очень спорное утверждение, – возразил Амир. – И не увлекайся. Мы не хотим, чтобы было как в прошлый раз.

Голубоглазая рассмеялась. Та, что пониже ростом, с деланным возмущением шлепнула Амира.

– Дамы, это Ари Иден. Ари, это Лили, – Амир указал на невысокую, – и Николь, – он указал на вторую, улыбающуюся с нескрываемым безразличием.

Лили отшвырнула пустой стаканчик, схватила Амира за руку:

– Пошли за добавкой?

Амир кивнул мне и позволил себя увести. Я остался с Николь. Я тарасился на нее, нервно кусал губы. Чуть погодя сказал со слабой улыбкой:

– Рад познакомиться. – Я поморщился от своего писклявого голоса.

– Да, – ответила она (голос у нее был низкий, приятный), замолчала, точно не хотела продолжать, привстала на цыпочки, заметила подругу. – Извини...

С пылающими щеками я смущенно глядел ей вслед, молясь, чтобы никто этого не видел. И тут, разумеется, меня хлопнули по спине, в ушах раздался знакомый смех.

– Да уж, бесит.

Стоящая рядом с Ноахом Ребекка сочувственно взяла меня за руку:

– Не обращай на нее внимания, Ари. Николь на всех смотрит свысока.

Все вдруг умолкли. На пороге кухни, скрестив руки на груди, стоял крепкий бородатый мужик средних лет, небрежно одетый.

– Блин, – сказала Ребекка, – это, часом, не Лизин дядя?

Все застыли, с опаской глядя на пришедшего. Лиза Ниман изумленно вскрикнула, ее дядя молча таращился на нас. Мы стояли не двигаясь, точно хотели обмануть хищника. Вдруг на кухню ввалился Оливер, пьяно прищурился и нарушил тишину громовой отрыжкой.

– Кто выключил музыку?

– Оливер! – прошипела Ребекка. – Иди сюда.

Оливер рассмеялся, подошел к Лизиному дяде:

– А это еще кто такой?

– Уходите. – Дядя трясся от злости. – Советую вам...

Оливер, к нашему ужасу, медленно поднял стаканчик и вылил его содержимое прямо на голову Лизиному дяде. Тот машинально залепил Оливеру пощечину, Оливер пошатнулся.

– Вон! – крикнул дядя. С его нечесаной бороды капала текила. – Вон, или я вызову копов!

Лавина стаканчиков, массовый исход из дома. Ноах схватил пьяного Оливера, который спотыкался и ругался (на его правой щеке краснел отпечаток ладони), и потащил прочь. Мы выбежали из дома, бросились к машине. Ребекка вырвала у Ноаха ключи (поскольку сочла, что он пьян и ему нельзя за руль), и мы набились в “ауди”.

– погоди, – сказал Ноах, когда Ребекка завела машину. – Где Амир?

Из дома донесся вопль – Лизин дядя, схватив за шкирку Амира и Лили, собирался вышвырнуть их из дома.

– Отпустите меня, – орал Амир, пытаясь вывернуться. Растрепанная Лили раскраснелась от смущения.

– В доме моего брата! – кричал Лизин дядя. – В доме моего родного брата!

Вдруг за ним мелькнули огненные кудри: Лиза подпрыгнула и своим крохотным тельцем повисла сзади на дядиной шее. Тот от неожиданности выпустил Амира и Лили, и они ринулись к машине. Амир протиснулся мимо меня к Оливеру, Лили забралась ко мне на колени, захлопнула дверь и крикнула Ребекке: “Поехали!” – на меня даже не обернулась. Впрочем, роль невидимки меня устраивала.

За всю дорогу я не проронил ни слова, молча вдыхал густой кожаный запах салона “ауди” и поражался увиденному: курево, выпивка, взрослый ударил подростка. Домой я вернулся во втором часу ночи. Я разулся на крыльце и на цыпочках прокрался к себе. Лежа в постели, думал о том, как сильно Флорида отличается от Бруклина, представлял, как отреагировал бы Шимон, плюхнись Лили к нему на колени. Засыпая, я вспомнил, что Сократ говорил Симмию: дорога в Аид проста⁶⁶.

* * *

Проснулся я рано, чтобы пойти с отцом на *шахрит*⁶⁷. Глаза у меня слипались, и в машине я ехал молча, радуясь, что отец тоже ничего не говорит. В синагоге мы сели на заднем ряду

---

⁶⁶ Отсылка к диалогу Платона “Федон”.

⁶⁷ Утреннее богослужение.

(что было для нас внове, поскольку в бруклинском *шуле*⁶⁸ отец всегда стремился занять место в первом ряду), повязали *тфилин*⁶⁹ на руку и лоб, отец накинул на голову *талес*⁷⁰ и спросил, нет ли здесь кого из тех ребят, с кем я был вчера. Я покачал головой. Во время *Шмоне-Эсре*⁷¹, пока отец раскачивался, я разглядывал мозаику, украшающую синагогу (лестница в небеса, расступившееся море, разноцветный плащ Иосифа), как вдруг в боковую дверь тихонько вошел Амир. Он вел под руку тучного пожилого израильтянина с тросточкой. Я оцепенел: Амир, которого совсем недавно застукали с Лили, сейчас выглядел точь-в-точь как призрак из моей прежней жизни.

Миньян завершился, Амир сидел, склонив голову, и я не мог поймать его взгляд. Когда мы с отцом уходили, я указал ему на Амира. Отец улыбнулся: известие о том, что кто-то из моих новых знакомцев ходит в синагогу, явно его утешило.

* * *

Все утро я редактировал сочинение Ноаха. Оно оказалось, мягко говоря, посредственным. Я исправил грамматические ошибки, вычеркнул опрометчивые замечания о сексуальных наклонностях Шейда и в конце концов сунул бумаги в почтовый ящик Ноаха. Я сидел у нашего бассейна, перечитывал собственное сочинение (я вдруг с тревогой осознал, что до начала учебного года осталось всего ничего, считанные дни), как вдруг у меня зазвонил телефон.

- Алло?
- Это твой любимый сосед.
- Привет, Ноах.
- Здорово ты исправил сочинение. Теперь совсем другое дело. Спасибо тебе еще раз.
- На здоровье.
- Кстати, я могу заплатить.
- В смысле?
- Многие берут за такое деньги.
- Нет-нет, не нужно.
- Точно? Ты можешь брать за это деньги. Если ты будешь писать сочинения за других, тебе будут хорошо платить. У тебя талант.
- Спасибо, не стоит.
- Ладно, но если передумаешь, говори. Я расскажу о тебе народу.
- Хорошо, – неловко ответил я. Мне на руку сел комар, попытался украсть мою кровь. Я раздавил его. – Спасибо.
- Ну что, как спалось после вечеринки? – спросил Ноах.
- Отлично. – Я решил не упоминать, что мне приснился кошмар, будто дядя Норман, как в мультфильме, гоняется за мной с топором.
- Вот и славно. Мы собираемся на пляж. Выходи в десять.

* * *

Он прибыл со свитой: Ребекка впереди, волосы заплетены в косу, поверх купальника огромная майка Ноаха, сзади Оливер в солнечных очках с красными стеклами и голый по пояс Амир.

---

⁶⁸ Шул – синагога.

⁶⁹ Тфилин – маленькие черные коробочки с цитатами из Торы, которые повязывают на лоб и руки.

⁷⁰ Талес (талит) – прямоугольное молитвенное покрывало.

⁷¹ Вариант молитвы амида будней, основной литургической молитвы в иудаизме.

– Знаешь что, – сказал Амир, когда я забрался на заднее сиденье и уселся посередине, – ты единственный из нашей школы, кого я видел на миньяне.

– А ты разве меня видел?

– Он, когда молится, ничего не замечает, – подначил Оливер.

– Мне жаль, если тебя не устраивает, что я молюсь, – парировал Амир.

– Не расстраивайся, – ответил Оливер. – Ты клевый чувак, вот и все.

– Это еще почему? – удивился Амир.

– Ребят, – вмешалась Ребекка, – не надо.

Ноах перестроился, подрезал едущего сзади, и нам разъяренно загудели. Оливер и Амир одновременно выставили в окно руки с оттопыренными средними пальцами.

– Ты для меня загадка. – Оливер поднял стекло. – Ари, скажи ему, что он загадка.

– Ребят, ну не начинайте, – попросила Ребекка, настраивая кондиционер. – И не втягивайте Ари.

– Почему это я загадка? – поинтересовался Амир.

– Вечером лапаешь Лили, утром бежишь на миньян.

Амир снова нервно захрустел костяшками.

– Вам не кажется, что Оливер как-то слишком на мне зациклен?

– Ишь ты, какой чувствительный. Я всего лишь объясняю нашему новому другу – правда, Ари? – что и как. Тебя ведь смущают наши порядки?

– Нет, – выпалил я и почувствовал внезапное желание изучить свои ногти. – Мое дело десятое. – Хотя, если честно, я пока что не разобрался, какое место занимает вера в этом псевдосветском мире. Например, за все время я ни разу не видел Ноаха и Оливера в кипах, хотя оба учатся в ешиве. (Амир сегодня напялил панаму с дельфином.) В Бруклине такое невозможно представить, здесь же это в порядке вещей. Я мог только догадываться, соблюдают ли их семьи кашрут и шаббат, но понимал, что главный, пусть и неофициальный, организующий принцип религиозности, бытующей в Зайон-Хиллсе, – избирательность. По всей видимости, здесь люди могут позволить себе роскошь исполнять только те мицвот, которые кажутся им важными или приятными, не обременяя себя тягостными или устаревшими. Шимон, мои бывшие раввины, даже мой отец осудили бы такую свободу выбора, пожалели бы еврея, который отказывается от многовековой традиции. Я же начинал сознавать: в том, чтобы держаться старинных обычаев, не жертвуя участием в современной жизни, есть свой смысл.

Оливер улыбнулся:

– Неужели? То есть если бы я, например, спросил тебя, включишь ли ты в своей комнате свет в шаббат, ты бы ответил...

– Не включу. – Я откашлялся.

– А если бы я спросил тебя, включит ли Ноах свет? Включу ли я свет?

– Меня это не касается.

– Безусловно. Но как ты думаешь?

– Оливер, – вмешалась Ребекка. – Хватит.

– Говори как есть, чувак, – не унимался Оливер, – всем пофиг.

– Я правда не знаю, – ответил я.

– Как думаешь, Амир делает это?

– Что – это?

Оливер пожал плечами:

– Нарушает шаббат?

Амир открыл было рот, но решил промолчать.

– Нет, – ответил я, стараясь не смотреть на Амира. – Думаю, не нарушает.

Оливер ухмыльнулся.

– Так я тебя разочарую. Здесь действуют те же правила, что и везде. В шаббат мы не работаем и не садимся за руль, но можем отправить сообщение или походя включить телевизор, чтобы посмотреть баскетбол. Никакого мяса, боже упаси, а молочное ешь сколько влезет, особенно если у тебя каникулы и никто не видит. Верим ли мы в Потоп, в то, что море расступилось, или, я не знаю, в Валаамову говорящую ослицу? Может, верим, может, нет, но, как бы то ни было, мы непременно внушим тебе, как важно пропустить несколько лет подготовки к колледжу, чтобы твои дети узнали эти истории и усвоили такое же двойственное к ним отношение!

Повисло неловкое молчание, я смущенно смотрел сквозь лобовое стекло. Ребекка покачала головой и продолжила читать твиттер. Ноах чуть убавил музыку.

– Господи, Оливер, – сказал он, – ты что, брал у Эвана уроки по фейстайму?

– Говори что угодно, – Амир потирал обнаженные плечи, – но если у тебя не хватает мозгов, сердца или, не знаю, нравственности, чтобы оценить сложности ортодоксальной жизни, это не значит, что ей не хватает глубины.

Оливер примирительно поднял руки.

– Я всего лишь хочу сказать, – со смешком произнес он, – что современный ортодоксальный иудаизм – тот еще эксперимент.

На пляже стояла такая жара, что захватывало дух – яркое солнце, слепяще-белый песок. Ребекка выбрала нам местечко у воды. Я впервые оказался на настоящем пляже и как-то растерялся. Слева от нас лежали на животах две женщины без лифчиков. Я отвернулся от них, Оливер ущипнул меня за лопатки.

– Добро пожаловать в страну плоти, цадик, – сказал он.

Видал бы это Мордехай, подумал я.

Ноах с Ребеккой пошли купаться. Мы с Амиром и Оливером лежали на полотенцах, глядя в ясное небо. Оливер быстро заскучал, достал припрятанный пакетик с травой, папиросную бумагу и принялся сворачивать косяк.

– Рискуешь, – предостерег его Амир.

Оливер фыркнул. Свернул косяк, облизнул и залепил края бумаги, полюбовался делом своих рук. Закурил, глубоко затянулся, лениво оперся на тощие локти, зашелся кашлем. Протянул мне косяк. Я покачал головой, отвернулся от дыма.

– Мистер Самсон?

Амир не поднял глаз от книги.

– Ладно. – Оливер щелкнул указательным пальцем по косяку, стряхнул пепел на песок.

Повисло молчание. Ноах с Ребеккой заплыли так далеко, что превратились в точки на синеве. Чуть погодя Амир тоже пошел купаться, я же остался с Оливером, пускавшим струи дыма.

– Оливер, – начал я, провожая взглядом Амира, заплывающего все дальше и дальше, – помнишь, что ты говорил на вечеринке у Ниман? Про семью Амира?

– Извините, офицер, не припоминаю. – Оливер набросил на голову полотенце. – Я много чего говорю про Амира. – Над нами пророкотал самолетик с рекламной растяжкой ночного клуба в Коконат-Гроув. – Хорошее место, – Оливер ткнул пальцем в самолетик. – Хочешь, съездим сегодня вечерком?

– Нет уж.

– Ты когда-нибудь был в ночном клубе?

– Если честно, нет.

Он демонстративно закопал окурок.

– Дай только срок, я собью тебя с пути истинного.

Я поправил кипу, черный бархат раскалился на солнце.

– Это вряд ли.

– Ты чего-то хотел спросить?

– Амир сегодня утром был в шуте с каким-то стариком. Кто это?

– Дед его. Мощный чувак. Герой войны Судного дня. Командовал знаменитой танковой операцией, переехал в Америку, окончил Массачусетский технологический институт, выучился на архитектора или кого-то в этом роде.

– Они живут вместе?

– Ага. Дикая ситуация. Когда Амир был помладше, отец его свалил. Мужик он хороший, но, видать, надоело ему быть ортодоксом, и он вернулся в Тель-Авив. Кажется, со старшей сестрой Амира он общается, а вот Амиру миссис Самсон запрещает общаться с отцом. У мамасы⁷² Самсон нрав крутой, уж поверь. Она баба вспыльчивая, и это еще мягко сказано. Амира гоняет в хвост и в гриву. Не дает спуску. Он и в сортир без ее разрешения не ходит. Это из-за нее он будет поступать в МТИ. Ну, не только из-за нее, а еще и из-за этого героя войны, который переехал к ним, когда его сынок сделал ноги. Ничего себе история, да? Напомни мне, чтобы я пошел учиться на историка, если я вообще поступлю.

– Так они втроем живут? И дед, получается... бывший свекор матери Амира?

– Ага, но при Амуре об этом не упоминай, тебе же лучше будет. И об отце он говорить не любит.

Мы замолчали. Вскоре нас сморило от жары.

Когда я открыл глаза, надо мною склонились две девушки – одна смуглая, с выгоревшими золотистыми волосами, вторая необычайно бледная. В теплом вязком пространстве между сном и явью я с мечтательной улыбкой вглядывался в их лица – туманные, вызывающие. В следующий миг дымка безжалостно взорвалась.

– Гамлет?

– София, – выпалил я и резко сел, радуясь, что не раздевался. – Как дела?

Блондинка молча переводила взгляд со смартфона на меня.

– Извини, что разбудили, – сухо проговорила София.

– Я просто лежал с закрытыми глазами. – Я наклонился, спина затекла от песка. София была в коротком черном сарафане. У ее высокой стройной подруги в вязаном белом бикини живот был отчего-то темнее лица, выглядело это нелепо. София запрокинула голову, уставилась на небо в пятнах облаков. Солнце ускользнуло.

– Кстати, это Реми, – сказала София. – Реми, это... Аарон.

– Ари, – поправил я, уязвленный тем, что она забыла мое имя. – Ари Иден.

– Ари. Он недавно переехал и любит “Гамлета”.

– Любит галеты? – озадаченно переспросила Реми.

– Что? Нет, – ответил я. – “Гамлета”.

Реми понимающе улыбнулась и вновь уткнулась в смартфон.

– Рад познакомиться, – добавил я.

Реми махнула на храпящего Оливера:

– Накурился и отрубился?

– Ну, он...

– Да я в курсе. Я потому его и бросила. – Реми опустила телефон. – Что еще ждешь от парня. Парень, он и есть парень.

Ноах, Ребекка и Амир вышли из воды. Тут же грянул гром.

– Поскакали. – Амир принялся собирать полотенца.

– Разбудим его? – спросила Реми. Грудь Оливера мерно поднималась и опускалась.

– Я бы бросил его тут как нефиг делать, – сказал Амир. – Подумаешь, дождик. – Небо на западе расколосило разряд. – Ну ладно. И молния чуток.

---

⁷² Мамочка (*исп.*).

Ноах потряс Оливера. Тот сонно потер глаза.

– Реми? – спросил он с прежней легкой улыбкой. – Как приятно проснуться и увидеть твое лицо. Как провела лето, куколка?

– Божественно, – ответила Реми, – а ты?

Оливер встал, накинул винтажную футболку с Алонзо Моурнингом⁷³.

– По-всякому.

– Ясно.

– Ты вроде в Лондон ездила?

– В Париж. – Реми увлеченно набирала сообщение.

Я решил не упоминать, что ездил за границу всего один раз – в Иерусалим на похороны деда по отцу.

Оливер свернул полотенце.

– Любишь Париж?

– И я не одна такая.

Оливер потянулся.

– Ясно.

Снова громыхнуло, заморосил прохладный летний дождик. Мы поспешили к парковке – девушки впереди, Оливер ковылял сзади. София с Реми запрыгнули в красный “порше”, мы сели в “ауди” Ноаха. Я едва не рассмеялся от нелепости этой сцены: два спортивных автомобиля, каждый дороже моего дома, богатенькие чужаки, за ними тащусь я в талесе поверх футболки, мы убегаем с пляжа, с настоящего пляжа.

– Как тебе Рем? – спросил меня Оливер, когда мы сели в машину.

– Ну... – Я не знал, что ответить, мне ведь уже сказали, что Реми его бывшая девушка.

– Да ладно, не стесняйся, – он откинулся на сиденье у окна и приготовился вновь уснуть, – она богиня.

Амир засмеялся:

– Ты облажался, Оливер. Ты это понимаешь?

Оливер закрыл глаза:

– Угу.

– У ее отца денег немерено, – продолжал Амир. – Он разбогател на биотехнологиях и теперь вот на крипте. Его постоянно показывают по CNBC.

– Крипта, доткомы, голландские тюльпаны. Спекуляции все это. Пузыри, которые того и гляди лопнут, – полусонно пробормотал Оливер. – Дерьмо для нуворишей. Не настоящие деньги.

Мимо нас под дождем пролетел “порше”. Ноах припустил следом, перестраиваясь из полосы в полосу.

Прижавшись лицом к окну, я смотрел на слепой флоридский дождь, на гиперреалистичные отражения лиц в небе.

* * *

Тот первый шаббат прошел спокойно. За ужином мы обсуждали *парашиат*⁷⁴:

– *Шофтим*⁷⁵ учит нас, как выбирать царя, – зажмурясь и чуть раскачиваясь, произнес отец певуче, словно читал Тору, – но зачем нам вообще нужен царь?

---

⁷³ Алонзо Хардинг Моурнинг (р. 1970) – профессиональный баскетболист, выступал за “Майами Хит”.

⁷⁴ Парашат ха-шавуа – недельная глава Торы.

⁷⁵ Шофтим – одна из 54 недельных глав Пятикнижия.

– Чтобы быть как соседи. – Мать разложила по тарелкам *гефилте фиш*⁷⁶. – Чтобы не отличаться от других.

Отец поднял указательный палец:

– Забывать, кто мы, – большой грех.

После ужина мы с отцом занимались, мать читала на диване и довольно поглядывала на нас. Назавтра мы проснулись в семь, сходили на миньян (отец предпочитал молиться рано, когда мозг еще не проснулся и прочие посетители шула еще спят), вернулись домой и молча позавтракали. Потом прочли *биркат ха-мазон*⁷⁷, немного попели – я терпеть не мог шаббатного пения, но все равно из смутного чувства долга время от времени принимался подтягивать, – и сонные родители ушли к себе в комнату подремать, я же улегся на диване в гостиной.

В детстве мне периодически снился один и тот же страшный сон. Я стою у входа в пещеру, перекаत्याю туда-сюда валун. Камень скрежещет о землю, и этот звук действует мне на нервы, меня тошнит, бросает то в жар, то в холод. Я ненавижу эти сны, боялся, что они следствие некоей комбинации телесных и психосоматических цитокинов – недоумевающих белочков, которым поручено уничтожить инфекцию, хотя ни тело мое, ни мозг о ней не подозревают. Но самым невыносимым симптомом было ощущение, будто я застыл во времени. Движения теряли четкость, мысли текли слишком медленно, звуки слышались глухо, точно из-под воды. Стоило мне на шиуре по Гемаре или во время поездки на велосипеде вспомнить эти сны, и я снова чувствовал себя так, словно застрял во времени, бледнел и покрывался липким потом.

Мне было лет тринадцать, когда эти сны – вероятно, следствие препубертатных мигреней – прекратились. И все равно я не раз ощущал, что время вновь ползет нестерпимо медленно. Мать так толком и не поняла, что я имел в виду, ей казалось, я в одночасье превратился из мальчика в задумчивого молодого человека, и она не успела привыкнуть к мысли, что ее единственный сын вот-вот уедет из дома. Шаббат служил нам обоим противоядием. Для матери он притормаживал время, давал передышку, возможность подумать. Для меня шаббат восстанавливал равновесие. Мы ходили в шул, мы ели вместе, мы пели, и на двадцать пять размеренных часов время обретало более выносимую скорость. Я же в детстве любил шаббат не за то, за что его любит Эрих Фромм и большинство евреев, а ровно за противоположное: раз в неделю мне выпадала возможность не уничтожить время, но счастливо вернуться в его оковы.

После *хавдалы*⁷⁸ – мать подняла свечу над головою, отец окунул пальцы в вино, потом сунул их в карманы, потер за ушами – мне позвонили. Родители Оливера укатали в Хэмптонс, а это значит, что Оливер устраивает вечеринку. Приду ли я? Я согласился. Вот и хорошо, сказал Ноах, нам нужен трезвый водитель. Мною хотели воспользоваться, но я все равно был польщен, что меня пригласили. Да и к тому же рассудил, что раз я за рулем, не придется выдумывать причину, почему не пью. Это и так ясно.

Я переодевался, когда ко мне постучал отец. Оглядел меня с головы до ног и нахмурился.

– Ты куда-то собрался?

– Да.

– В этой футболке?

Я сменил белую рубашку с длинным рукавом на темно-синее поло. Я истосковался по цвету и устал от ехидных замечаний по поводу моего черно-белого наряда.

– Я же к Оливеру, – пожал я плечами с деланным безразличием.

– К кому?

– К Оливеру Беллоу.

– Это тот, который тогда был на шахрите?

---

⁷⁶ Гефилте фиш – фаршированная рыба (*идиш*).

⁷⁷ Благословение после еды.

⁷⁸ Молитва, знаменующая переход от субботы к будням.

– Нет. Другой.

– Но фамилия знакомая.

– Как у писателя.

– Что?

– Ничего.

Он примолк, щелкнул пальцами.

– Беллоу. В шуле только о них и говорят. Они известные благотворители.

– Угу, не удивлюсь.

– *Бааль хесед*⁷⁹, значит? Дают большую *цдаку*?⁸⁰

– Еще бы.

Это его успокоило.

– Я не привык, что ты так часто уходишь из дома. – Я вспомнил свои вечера в Бруклине: слонялся по дому, читал, пока не заболит голова, рано ложился спать, время от времени бывал на школьных *онеггах*⁸¹, а иногда, если нас тянуло на приключения, мы шли в пиццерию в надежде увидеть там девушек из школы Бейт-Яаков⁸². – Но я доверяю тебе, Арье. – Отец закивал, слабо улыбнулся и, все так же кивая, вышел из комнаты.

* * *

Дом Оливера оказался еще роскошнее, чем у Ноаха, – особняк в викторианском стиле, высокие потолки, во дворе фонтанчик. Возле дома дюжина машин, все припаркованы криво, наспех. В доме гремела музыка.

– Его отец большая шишка, – пояснил Амир, когда мы шли к дому. – Производит кресла-качалки, прикинь?

– Кресла-качалки?

– Кажется, на Кипре они пользуются бешеным спросом. У него там какая-то монополия на производство.

Входная дверь привела нас в необозримую гостиную с выходящими на бассейн окнами от пола до потолка. Мебель убрали, вместо нее поставили длинные складные столы для стихийных состязаний в пиво-понг. Посередине высилась огромная пивная бочка. В доме собралось минимум человек шестьдесят. Жара стояла нестерпимая, я в ужасе оглядывался по сторонам. Я готовился к вечеринке, которая, надеялся я, будет лишь самую малость отвязнее той, что у Лизы Ниман, но такого даже представить себе не мог. Оглушительная музыка, буйные приятели толпятся в углах, танцуют, косятся на нас, ждут, что мы присоединимся к ним.

– Пошли искать Оливера, – сказал за моей спиной Амир.

Мы протолкались на кухню (точнее, Ноах с Амиром протолкались, я отчаянно старался не отставать) и увидели Оливера: он в огромных солнечных очках и красном атласном халате стоял на мраморном столе.

– Мальчики мои! – Он ринулся к нам и сверзился бы со стола, не удержи его Ноах. – Ноах, – продолжал Оливер, – Ноах, держи, держи. – И протянул ему бутылку.

Ноах гортанно рассмеялся, отхлебнул глоток, передал бутылку Ребекке.

– Вы двое, – Оливер указал на Ноаха и Ребекку, – пейте, и я... я хочу, чтобы вы поднялись ко мне в комнату... нет, я передумал, лучше в комнату к моему брату... заперли дверь

---

⁷⁹ Тот, кто делает добрые дела.

⁸⁰ Цдака – здесь: пожертвование (*ивр.*).

⁸¹ Онег – дословно: удовольствие, радость. Также пятничный праздничный ужин (*ивр.*).

⁸² Система ортодоксальных учебных заведений для девочек.

и наделали милых спортивных детишек, хорошо? Согласны? – Он, покачиваясь, прошел по столу. – А одного отдайте мне, я его усыновлю.

– Боже. – Ребекка обвела рукой его халат. – Он вообразил себя Хью Хефнером.

– Джейм Гэтсби, – добавил я.

– Что?

– Гэтсби.

Она пожала плечами.

– Я тебя не слышу, музыка очень громкая, – прокричала Ребекка и смущенно показала на свои уши. Ноах схватил ее за руку, подмигнул мне и увел Ребекку из кухни. В другом конце гостиной я заметил Амира, он уже нашел Лили. Я остался один.

Я беспомощно бродил по дому, пробирался сквозь толпу гостей, не обращая внимания на пристальные взгляды, обходил танцующих и лужи пива. Я вдруг заметил, что сзади у меня болтаются цицит, заправил кисти в брюки и упрекнул себя за то, что так стесняюсь – вдруг кто-то заметит цицит. Так и не найдя никого, с кем можно было бы поболтать, я поднялся по широкой свеженавощенной лестнице. На втором этаже было тише, прохладнее на добрых десять градусов, и головная боль прошла точно по волшебству. Я оперся на перила, вздохнул с облегчением, глядя на толпу внизу, и вдруг услышал фортепиано. Я прислушался: играли уверенно, сдержанно, точно. Я медленно отправился на звук. Подергал какую-то дверь – заперта, из комнаты доносятся страстные стоны. Я шагал по коридору, мелодия изменилась, повторялась то громче, то тише, умиротворение сменилось неистовством. В конце коридора обнаружился сумрачный кабинет, дверь была приоткрыта. Стараясь не шуметь, я осторожно толкнул дверь и заглянул в комнату. Посередине сидела, склонившись к роялю, София и играла, оживленно потряхивая головой. Длинные пальцы ее налетали на клавиатуру под неожиданными углами, вновь и вновь выстукивали одну и ту же музыкальную фразу; чуть погодя София опустила правую руку, и скругленная левая кисть, оставшись одна в крайних левых октавах, мягко извлекала из клавиш тающий шепот.

Я протиснулся в дверь. София царственно выпрямила спину. Я решил было, что она доиграла, но ее правая рука, дотоле медлившая на колене, вдруг резво вскочила на клавиатуру. София стремительно вертела головой, пальцы ее порхали над клавишами в яростном танце. Я приблизился, чтобы увидеть ее лицо. Она сидела зажмурясь.

Музыка смолкла. София открыла глаза, заметила меня. Взгляд ее прояснился, слепая чернота растаяла. Казалось, к Софии вернулась способность владеть своим телом.

– Извини, пожалуйста, – я залился смущенным румянцем, – я услышал музыку и...

Она шумно вздохнула, провела пальцами по волосам.

– Ничего страшного.

Я изучал ее губы, щеки, глаза. Она так глубоко погрузилась в музыку, что сейчас смотрела на меня, не узнавая.

– Я... я не хотел тебя пугать, – сказал я.

– По-моему, это я тебя напугала.

– Что это было? – помолчав, спросил я. – Ты сама это придумала?

– Не совсем. Эта штука называется Бетховен.

– Что-то знакомое.

– Соната № 23 фа минор, “Аппассионата”, с небольшими вариациями.

– Точно, “Аппассионата”. То-то я слышу, вроде что-то знакомое.

Она вытянула шею, взглянула на меня.

– В литературе ты разбираешься лучше, чем в музыке.

– Да, – согласился я, – пожалуй, ты права.

– Садись. – Она провела рукой по банкетке. – Или ты так и будешь стоять раскрыв рот?

Я сел, нечаянно коснувшись левой рукой ее запястья. От ее близости кружилась голова.

– Ты прекрасно играла.
– Как любезно.
– Я никогда не слышал ничего подобного.
– А ты вообще раньше слышал классическую музыку?
– Вообще-то нет, – признался я. – К моему сожалению.
– Ее мало кто понимает. Мистер Беллоу разрешает мне играть на его рояле, поскольку, кроме меня, к нему никто не подходит, и это очень печально. Шикарный инструмент.

Из вежливости я провел пальцами по роялю.

– И давно ты играешь?

– С четырех лет. Когда я сказала, что хочу брать уроки, родители были в восторге: будущая абитуриентка должна быть всесторонне развита. Но потом их восторги утихли. И теперь им не нравится, что я занимаюсь музыкой.

– Почему?

– Потому что я слишком хорошо играю.

– Разве это плохо?

Она повернулась и посмотрела мне прямо в глаза.

– Мои родители хотят, чтобы их дочь стала врачом, а на пианино играла разве что на вечеринках в университете Лиги плюща и на званых ужинах для развлечения гостей. Им совершенно не улыбается вырастить нищего музыканта.

– Понятно.

– Из-за этого в доме Винтеров создается легкое напряжение. – Она закрыла крышку рояля, погладила ее. Ногти у нее были выкрашены белым лаком. – В общем, я согласилась на то и другое.

– На что?

– Музыку я не брошу, но учиться пойду на врача.

Я еле удержался, чтобы не признаться, что недавно нашел ее в фейсбуке. Фотографии Софии с концертов музыкальной школы, семейного отдыха в Аспене, шестнадцатилетия Ребекки, бар-мицвы брата. Фотографии, на которых София безмятежно улыбается, обнимает родителей, искренне любит закатом, не задумываясь о том, что это мгновение сохранится в саркофаге интернета и однажды на него наткнется тот, с кем она познакомилась возле бассейна парня ее подруги. Мне вдруг стало неловко, что я подглядывал за ее жизнью.

– Ничего себе.

– Мне не дает покоя другой вопрос. – Глаза ее весело блеснули. У меня вспыхнули уши. – Что ты тут делаешь?

Я уставился на крышку рояля.

– Мне нужна была передышка.

– Я имею в виду, на этой вечеринке.

– А. Хороший вопрос.

Она чуть наклонилась, коснувшись меня плечом. Теперь у меня загорелись и щеки.

– Так ты сбежал сюда, потому что внизу слишком шумно?

– И ты, видимо, тоже.

– Я и не отрицаю.

– Моя воля, ушел бы домой, – признался я.

– Со мной?

– Нет, домой. (София ухмыльнулась.) Но теперь уже не хочу уходить.

– Я польщена. Тебя Ноах привез?

– Им нужен трезвый водитель.

Пауза.

– Кому – им?

– Ребекке, – пояснил я. – Амиру.

– А. – Лицо ее просветлело. – Ясно.

Дверь распахнулась, вплыла Реми с бокалом в руке и, не глядя на меня, громко сказала:

– Боже, София, я тебя везде ищу. Даже ворвалась в комнату, где... шумят.

– Ты думала, там я?

– Нет, конечно. Мне просто было интересно, кто это. Ну и вообще прикольно.

– Подозреваю, ты отлично знала, где меня искать.

– Признаться, меня пугает, что ты тут с *ним*, – откровенно заявила Реми и недовольно уставилась на меня.

– Я все слышу, – пробормотал я.

Реми закатила глаза.

– София, сходишь со мной в туалет?

– Тебе непременно нужна компания?

– Нет. Но я помогаю тебе выпутаться из неприятной ситуации. Идем, глупая пианистка.

Это срочно.

– Рем, правда, у меня все в порядке...

– Ты мне доверяешь? Идем.

София рассмеялась, позволила увести себя от рояля.

– Окей, окей. Извини, Гамлет. Всего тебе самого лучшего.

Я еще посидел, ошеломленный музыкой, которая почему-то подчеркнула тот факт, что мне не место на этой вечеринке и не стоит даже надеяться, что эти чужаки когда-нибудь примут меня как своего, разве что я буду им чем-то полезен: поправлю сочинение, отвезу домой после долгой попойки. Головная боль вернулась, в доме опять стало душно. Я вдруг осознал, до чего одинок – до чего всегда был одинок.

– Судя по выражению твоего лица, тебе не мешает выпить.

В кабинет вошел незнакомый парень с двумя красными стаканчиками. Высокий, небритый, с маленьким острым носом. Загорелый дочерна – так, что зубы сияют. Взгляд какой-то волчий, мутный, тяжелый.

– Спасибо, не нужно, – ответил я.

Он улыбнулся:

– Не пьешь?

– Нет.

– Я тоже не пью. – Он осушил почти весь стаканчик. – По-моему, я тебя раньше не видел.

– Я тут новичок.

– Правда? Нечасто к нам попадает свежая кровь. – Он оглядел меня с головы до ног. – И как же новичок очутился один в кабинете посреди буйной вечеринки Оливера Беллоу?

– Я был не один.

Он скользнул взглядом по роялю.

– Она прекрасно играет.

– София? Как ты узнал, что она была здесь?

– Интуиция.

– Да, – согласился я, – играет она неплохо.

– Неплохо? – Он мрачно улыбнулся. – Друг мой, у нее *талант*. – Он мерил комнату шагами, рассматривал картины. Остановился перед той, что висела над роялем. Мужчина с рассеянной улыбкой держит за руку женщину в летящем розовом платье, которая неловко застыла в воздухе над его головой.

– Тревожная картина, правда?

Изумрудные оттенки. Голубовато-белое небо. Верхушки деревьев вдали. Лицо у мужчины грубое, опаленное. Женщина парит почти горизонтально, раскинув руки, точно распятая, губы ее поджаты.

– Пожалуй, – согласился я, – но красивая.

– Мне всегда казалось, что больше всего она нравится тем, кого не пугает сверхъестественное. Тем, кому хватает смелости вырваться из обыденной жизни. – Он улыбнулся про себя. – Понимаешь, что я имею в виду?

– Не совсем.

Он повернулся ко мне:

– Это любимая картина Леона Беллоу – по крайней мере, он так говорит. Знаешь ее?

– Нет.

– Это Шагал. “Прогулка”.

– А.

– Ты не знаешь Шагала?

– Там, откуда я приехал, искусству не придают большого значения.

– И где же это? В Антарктиде?

– В Боро-Парке.

Он снова отпил большой глоток.

– Шагала стоит знать. Теперь ты будешь видеть его часто.

– Это еще почему?

– Он есть у всех.

– У нас нет.

– Скажи, – он прищурился, – откуда ты знаешь Софию?

– Я ее не знаю.

– Однако ж она разрешила тебе послушать свою “Аппассионату”.

– Да я сам пришел. – И добавил, помолчав: – А как ты узнал, что она играла?

– Слышал отрывки, – пояснил он. – Из коридора.

– Так вы друзья?

– Мы с ней давно знакомы. – Он сделал глоток и равнодушно посмотрел на меня, ожидая ответа.

– Пойдем вниз? – наконец нашелся я. Мне не терпелось уйти от него, и я поднялся с банкетки.

Мы не спеша прошли по коридору, спустились на первый этаж и смешались с толпой. Мне опять стало жарко, по спине потек пот.

Мой спутник оглядел гостей, которых за время моего отсутствия заметно прибавилось.

– А Оливера ты близко знаешь?

– Я бы сказал, мы просто знакомы. Меня сюда привезли.

– Кто?

Я поискал глазами Ноаха, но не нашел.

– Вон тот парень, – я указал на стоящего у стены Амира, который обнимался с Лили.

– Амир?

– И Ребекка с Ноахом, – добавил я, чтобы произвести на незнакомца впечатление.

– Харрисом?

– Он мой сосед. – Я протянул руку: – Арье Иден.

– Какое библейское имя. А английское у тебя есть?

– Я им не пользуюсь.

– Но оно существует?

– Да, – осторожно произнес я, – Эндрю.

– Эндрю Иден, – проговорил он, – годится.

– А тебя как зовут? – смущенно помолчав, спросил я.

– Эван Старк, – он наконец пожал мне руку, – рад познакомиться.

– Я слышал о тебе.

– А я слышал, ты знаток Шекспира. Какая у тебя любимая пьеса?

Я закусил губу, напустил на себя невозмутимость, не зная, то ли радоваться, что обрел единомышленника, то ли насторожиться.

– А что?

– Просто интересно.

– Ну, “Антоний и Клеопатра”.

– “Порфиру мне подай. Надень корону, – процитировал Эван. – Бессмертие зовет меня к себе”⁸³.

Я впился в него взглядом.

– Почему ты это сказал?

– В смысле?

– Почему ты выбрал именно эту цитату?

– Не знаю, она всегда мне нравилась. В ней говорится и о том, что значит быть человеком, и о наших желаниях. – Он с любопытством взглянул на меня: – А почему ты спрашиваешь?

– Нипочему, просто так. – Я решил не упоминать, что не раз использовал эту фразу в сочинении, которое подавал вместе с заявлением в ешиву, и даже вынес ее в заглавие. – А у тебя какая любимая?

– “Лир”. Но ничто не сравнится с сонетами.

– Правда?

– Мне их читала мама, когда я был маленький, – пояснил он. – “Ни Марса меч, ни битвы пламена преданья о тебе не изведут. Ты будешь вечно шествовать вперед, забвение и смерть переборов”⁸⁴. Эти строчки меня убаюкивали. Странно, правда?

– Да, – ответил я, догадываясь, что меня проверяют, хотя и не понимал, в связи с чем. Я вновь беспокойно оглядел толпу, выискивая Ноаха, мне хотелось, чтобы кто-нибудь – кто угодно – увел меня прочь. – Странно.

– Выпей. – Эван протянул мне стаканчик, на этот раз настойчивее. – А то ты так озираешься, что мне даже неловко.

– Нет, я...

– Давай, Иден. За новую дружбу, подкрепленную бодрящей жидкостью.

– Я за рулем.

– Все за рулем. Один стаканчик. Отказываться невежливо. К уходу уже протрезвешь.

Я взял стаканчик, поднес к губам.

– погоди, – Эван остановил меня, – сперва нужно сказать тост.

– Тост?

– Мы же не дикари.

– Я не знаю тостов.

– И еще называешь себя ученым человеком. Что, ни одного? – Он покачал головой. – “Тот, кто превращается в зверя, избавляется от боли быть человеком”, – торжественно произнес он, поднял стаканчик и допил остатки. Я глубоко вздохнул и принялся пить, жидкость обжигала горло. – Знаешь эту фразу?

– Нет, – ответил я. Глаза у меня слезились.

---

⁸³ У. Шекспир. “Антоний и Клеопатра”. Перевод М. Донского.

⁸⁴ У. Шекспир. Сонет 55. Перевод А. Финкеля.

– Доктора Джонсона⁸⁵ надо знать. – Он прижал мой стаканчик к моей груди. – Допивай, – велел он, и я повиновался. – Хоть расслабишься.

– Что это было?

– Самодельный коктейль. – Он вырвал из рук проходящего две банки пива. Тот обернулся, хотел возразить, но, увидев, кто отнял пиво, решил промолчать. Эван протянул мне банку: – Расслабляйся, наслаждайся, будь собой.

Я открыл пиво, выпил с ним. Он спросил, откуда я, почему переехал в Зайон-Хиллс. В голове моей туманилось, комната превратилась в неопределимое пространство, освещенное вращающимися огнями. Я потряс головой, пытаюсь прийти в себя.

Эван допил пиво, бросил банку на пол.

– Все окей?

– Конечно, – отозвался я, не обращая внимания на сгущающийся туман. Подняв глаза, я увидел, что к нам направляются две девушки. Даже во внутреннем тумане я осознал бледную красоту Софии. На стоящую рядом с ней Реми мне было плевать. Что-то в Софии – ослепленные светом глаза, пронизательный взгляд, надменно поджатые губы – откачало кислород из моего мозга.

– София, – еле слышно сказал Эван и немного побледнел. Посмотрел на Реми, на меня, оглядел комнату и снова уставился на Софию. Их взгляды встретились. Казалось, они остались наедине, хотя мы были тут же. – Рад тебя видеть.

Она медленно повернулась и кивнула, глядя сквозь него.

– Как... Кения?

– Хорошо.

– Когда ты вернулась?

Пауза.

– Недавно.

– Понятно.

Снова молчание. Я опьянел и не соображал, кто что говорит. Я изо всех сил старался не шататься. Наконец Эван сунул руки в карманы и кивнул на меня:

– Я познакомился с твоим новым другом.

– По-моему, ему нехорошо, – заметила Реми.

– Все у него в порядке. Правда, Дрю?

Я хотел ответить, что меня зовут не Дрю. Но не выдал ни слова.

София бросила на меня подозрительный взгляд.

– Что с ним?

Я обливался холодным потом, глаза остекленело уставились в никуда, музыка звучала приглушенно, пружинила, сбивала с толку.

– Ничего, – ответил за меня Эван. – Подумаешь, выпил стаканчик.

София оглядела меня с головы до ног.

– Тогда почему он выглядит так, будто... – Ее тон действовал мне на нервы. Я хотел спросить, что она имеет в виду. Но вместо этого уставился на вмятины на своих ладонях. – Он таким не был.

Эван пожал плечами:

– Не понимаю, о чем ты.

– Значит, вот как ты себя ведешь? – сказала София. Я осознал, с приглушенной алкогolem досадой, что стал объектом ее жалости. – Портишь все, что тебя окружает?

– София. – Он так произнес ее имя, что она замолчала. Эван, похоже, и сам удивился.

Она покачала головой и, не глядя на меня, ушла.

---

⁸⁵ Сэмюэл Джонсон (1709–1784) – английский литературный критик, лексикограф, поэт.

– Ну и ладно. – Эван покосился на меня. – Все в порядке?

Тошнота проходила. Я кивнул, не зная, что еще делать.

Эван обернулся к Реми:

– Сейчас принесу тебе выпить.

Эван принес водки. К четвертой или пятой рюмке она утратила вкус, и все закружилось с умопомрачительной скоростью. Мы танцевали, музыка во всем, Реми прижимается ногами к моим ногам. Мы играли в пиво-понг – Эван и Реми против нас с Николь, – потом Николь вспомнила, что мы с ней виделись на вечеринке у Ниман, и уговорила меня допить наши стаканчики, а какой-то здоровяк (кажется, его звали Донни?) плюхнулся задницей на стол и разломал его пополам.

Я очутился в темной комнате, надо мною раскачивалась Николь, ее волосы падали мне на лицо, мы горячо и тяжело дышали. Мягкие губы, ловкие пальцы скользят по моей коже, комната невыносимо вертится, стены надвигаются, пол – черная лужа, что-то обезображенное на стене, я то прихожу в сознание, то вновь уплываю. Паника сменилась желанием, наслаждение – тяжестью. *Я падаю, думаю я, парень из Бруклина.* А потом лицо моего отца в окне. Я моргнул, вспомнил, где нахожусь. Отодвинулся, открыл дверь. Николь нахмурилась, спросила, куда я. Я извинился и, пошатываясь, вышел на свет.

* * *

Проснувшись наутро, я осознал лишь, что комната не моя и прошлый вечер не привиделся мне в кошмаре. Я поспешно сел и вынужден был снова лечь: голова раскалывалась. Я зажмурился, отдался страху, растущему в груди. Я у Оливера? Искали ли меня родители? Я представил массовые поиски, распространившиеся на все побережье Флориды. Заставил себя дышать глубоко и ровно.

Я открыл глаза, вновь попытался сесть, на этот раз медленнее. Комната красивая – чистая, яркая, на подоконниках спортивные награды, на стенах футболки с автографами Дуэйна Уэйда и Дэна Марино⁸⁶. Я помассировал виски, услышал, как льется вода. Меня охватил ужас: я с Николь? Вернулась тошнота.

Воду выключили, послышался гортанный смех.

– Первое похмелье?

Из прилегающей к комнате ванной вышел Ноах в одних трусах, с зубной щеткой во рту.

Я кивнул.

– Мазл тов. – Он вернулся в ванную, сплюнул. – Я решил, тебе лучше переночевать у меня, чтобы родители тебя не видели.

– Который час?

– Почти два.

– Ночи?

– Дня, – крикнул он из ванной.

– Господи, – простонал я и поднялся на ноги. Я был в штанах, но понятия не имел, куда подевалась моя футболка. – Мне надо домой.

– Расслабься. – Вернулся Ноах, натягивая майку на скульптурный торс. У меня снова закружилась голова, перед глазами поплыли красные пятна, солнце слепило. – Я отправил твоим родителям сообщение с твоего телефона, что ты заночуешь у меня. Все в порядке.

Я благодарно вздохнул и рухнул на кровать, стараясь отогнать тошноту.

Ноах протянул мне бутылку воды:

---

⁸⁶ Дуэйн Тайрон Уэйд-младший (р. 1982) – американский баскетболист, атакующий защитник клуба НБА «Майами Хит». Дэнис Марино-младший (р. 1961) – профессиональный игрок в американский футбол, квотербек.

– Попей, прими душ, а потом мы приготовим тебе яичницу и кофе. – Ровно дыша, он принялся отжиматься. – А ты не дурак выпить, ты это знаешь?

Я глотал воду и лихорадочно моргал, пытаюсь вспомнить случившееся.

– Спасибо, – произнес я между глотками. Вода текла по моему подбородку. – Что помог. Он выпрямился, отдохнул.

– Для чего еще нужны друзья, если не для того, чтобы возиться с твоим коматозным блюющим трупом?

– Сам не понимаю, как так получилось.

– Я тоже. Ты же вроде должен был отвезти нас домой?

– Прости.

– Не парься, чувак. С кем не бывало.

Я открыл рот, закрыл, попробовал снова:

– Это Эван?

Ноах подошел к комоду, достал из ящика носки с логотипом НБА, потер дезодорантом под мышками.

– Что – Эван?

– По-моему, он мне что-то дал. – Я уставился на Марино и Уэйда, мой вопрос деликатно повис в воздухе.

– Еще как дал. Он то и дело наливал тебе водки. А тебе, мой друг, надо научиться отказываться.

– Я не об алкоголе.

– Ты курил траву?

– Нет.

– Тогда о чем ты?

– Не знаю, в том первом стаканчике, который он дал мне, была какая-то мешанина, и еще София сказала, что я какой-то...

– Пьяный?

– Возможно, но вряд ли. Скорее, как будто я выпил что-то такое... даже не знаю... как будто мне что-то подлили в стакан.

– То есть коктейль был, типа, с ксанаксом?

Я пожал плечами. Я никогда не слышал о ксанаксе.

Ноах сел в кресло у письменного стола, покрутился туда-сюда.

– Эван такого не сделал бы, – сказал он наконец. – По крайней мере, намеренно.

– Точно?

– Тебе сейчас лучше поспать. – Он неожиданно поднялся. – А я пойду.

* * *

Когда я проснулся, мне ужасно хотелось пить. Я потянулся – тело затекло, руки-ноги дрожали – и направился в ванную. Уставился на себя в зеркало: лохматый, глаза красные, лицо какое-то нелепое, и чем дольше я всматривался в себя, тем меньше узнавал. Тощий, измученный. Я умылся, взглянул на часы. Половина восьмого. В животе клубился стыд, в горле стоял комок – впервые с тех пор, как мне исполнилось тринадцать, я забыл надеть тфилин и помолиться. В окно я видел задний двор Харрисов, залитый неярким оранжевым светом, солнце уже садилось. Во дворе Ноах в баскетбольной майке, коротких белых шортах и кепке “Найк”, повернутой козырьком назад, подбрасывал в воздух красные мячики и отправлял их за изгородь, на поле для гольфа. Я смотрел, как мячики поднимаются все выше и выше, превращаясь в красные крапинки в небе.

Я вышел из его комнаты, спустился по винтовой лестнице, миновал длинный коридор. Пробрался на кухню и налил себе воды: меня мучила жажда.

– Здравствуй, дорогой.

Я едва не подпрыгнул. За длинным кухонным столом сидела Синтия, листала поваренную книгу.

– Миссис Харрис, – прохрипел я, – прошу прощения, я...

– Все в порядке. Пей на здоровье, – она кивнула на кружку в моей руке. – Давай я тебе что-нибудь приготовлю? Ты, наверное, умираешь с голоду.

– Нет, спасибо, не нужно. Мне пора домой.

– Уверен? Не хочу показаться нескромной, но я готовлю сказочно вкусно, спроси хотя бы мою дочь. Я говорю об этом потому лишь, что я повар. – Она указала на книги, аккуратно разложенные на столе, на всех обложках красовалось ее лицо. “Кошерная кухня”. – Даже написала несколько поваренных книг.

– Ух ты. Есть не хочется, но все равно спасибо.

– Тебе хоть легче? – Она понимающе улыбнулась. – Лег ты явно под утро.

– Да, – пробормотал я.

– И нечего так стесняться. Я тоже была молодой. Да и ведешь ты себя в таком состоянии приличнее Оливера. Ты ведь знаком с Оливером?

Я вспомнил, как тот в халате отбивал на столе чечетку.

– Еще бы.

– Он, как переберет, начинает буйнить. – Она рассмеялась. – Кстати, я недавно видела твою маму.

– О боже.

– Не волнуйся, я тебя прикрыла. Сказала, вы с Ноахом играете в гольф.

– Спасибо, миссис Харрис.

– Да ладно, – отмахнулась она. – И зови меня Синтией, это даже не обсуждается. А теперь иди к Ноаху. Он за домом. Только сделай мне одолжение. Поиграй с ним в гольф, чтобы не оказалось, будто я наврала твоей маме.

Я вышел из двери с витражным стеклом на задний двор. Ноах размахнулся, заведя клюшку за спину, обернулся ко мне:

– Доброе утро, солнце.

– Доброе утро. – Я выдавил слабую улыбку.

– Как ты?

– Гораздо лучше.

– Вот и хорошо. – Он подбросил в воздух очередной мячик, вновь замахнулся. Удар у него что надо. Мяч улетел вдаль. – Играешь?

– В гольф или бейсбол?

– Да какая разница, чем бить по мячу, рукой или битой. Мы с папой часто играем в гольф. – Он протянул мне клюшку, бросил мячик на землю. – В Бруклине в гольф не играют?

– Нет. Но это не значит, что мы вообще ни на что не годимся.

Я подошел к мячу, взмахнул клюшкой и отправил мячик мимо цели.

– Да, я вижу. – Он поднял с газона другую клюшку и вновь принялся перебрасывать мячики через изгородь. – Расскажешь, как все прошло?

– Что прошло?

– С Николь.

Я опять ужасно промахнулся, и мячик пролетел всего два ярда.

– Ничего не было.

– Вообще ничего?

– Нет, ну что-то все-таки было.

– И что же?

– Кое-что, – неловко ответил я. – Но, в общем, не *это*.

Ноах рассмеялся.

– Это ж не высшая математика. Хочешь, начерчу тебе график?

– Нет, я...

– Шутка, чувак. Я и не имел в виду *это*.

– Ясно. – Я покраснел. – Ну, в общем, я ушел в самый разгар *этого*.

Ноах подошел к мячику, замахнулся.

– Что-что? Шутишь? – Он окинул меня взглядом. – Ты раньше когда-нибудь занимался...

– Нет, – смущенно перебил я.

Ноах изумился.

– И все равно ушел? От Николь? Николь Хониг? Которая на вечеринке у Ниман даже разговаривать с тобой не захотела?

– Да, – сказал я, – именно так.

Он присвистнул, указал на меня клюшкой:

– Зачем же ты это сделал?

Я пожал плечами и наконец отправил мяч вверх изгороди.

* * *

В ту ночь мне приснилось, будто я в шуле. Рыжая вошла в святилище, взяла меня за руку и повела по винтовой лестнице в сумрак.

– Где мы? – Я чувствовал, что ухожу глубже и глубже под землю, хотя почему-то стою на ногах, грудь теснило, словно при погружении. Я чувствовал, как рассеивается заклятие нереальности, я сознавал, что сплю, но столь же ясно сознавал и то, что если не проснусь сейчас, не проснусь никогда.

Она приложила палец к губам. “И привяжи их как знак к своей руке, – процитировала она, не мигая, – и сделай меткой на лбу...”⁸⁷

Проснулся я в поту. Некоторое время таращился в потолок, пытаюсь снова уснуть, но вместо этого вспоминал тот день, когда отец вручил мне тфилин. Прежде он принадлежал его отцу, этот тфилин тайком провезли в Дахау. Дед каждое утро накладывал тфилин, не пропускал ни дня. Отец тоже, и я знал, что он не пропустит ни дня. Я же прервал эту цепь, едва приехал в Зайон-Хиллс.

Я сдался и включил ночник. “Тот, кто бодрствует ночью, – невольно думал я, – заплатит жизнью”. Я читал почти до половины седьмого, на стене лежали тонкие тени, перед самым рассветом я выключил ночник и забылся беспокойным сном.

* * *

В четверг был последний день лета. Он выдался суматошным, я ругал себя, что не подготовился к началу учебного года; мы с матерью помчались покупать мне одежду и канцелярские принадлежности. В “Коль Нешаме” требования к одежде были свободнее, чем я привык, годилась любая рубашка, и мы ездили из магазина в магазин в поисках недорогих рубашек, которые были в разы круче тех, что висели у меня в шкафу.

– Мне нравится эта. – Мать приложила к моей груди рубашку во флуоресцентных зеленых полосках. В местном торговом центре мы набрали на магазин под названием “Территория

---

⁸⁷ Втор. 6:8.

богема”: приглушенный свет, дребезжащая музыка, плакаты с угрюмыми гитаристами. – На нее как раз скидка. Хочешь, купим?

Никто не назвал бы меня модником, хотя я все же набрался смелости и отказался от белых рубашек на все случаи жизни. Оливер с Ноахом выглядели словно с картинки каталога “Джей Кру”, я же гадал, можно ли назвать эту рубашку стильной или она выглядит так, словно ее выбрала мать-дальтоник, недавно переехавшая из Боро-Парка. Я скрестил пальцы и решил считать ее стильной.

– Отлично. И пойдем отсюда. – Мать положила рубашку в корзину к остальным покупкам и направилась к кассе. – А то это место напоминает мне о моей юности.

Я ждал мать, разглядывал магазин, щупал другие, слишком дорогие для нас рубашки, любовался блестящими белыми кроссовками (Ноах ходил в таких же). От магазинной музыки уже гудела голова.

– Гамлет! – София вышла из-за манекена так неожиданно и чудесно, что на миг показалось, будто мне это привиделось. Я вспомнил ожившую статую Гермियोны. “Приди, мы ждем! Лишь мертвые недвижны, но движется и дышит тот, кто жив”⁸⁸.

– София. – Я едва не подскочил от неожиданности.

– Значит, тебе тоже не нравится, когда к тебе подкрадываются?

– Пожалуй, у тебя в этом смысле нервы покрепче. – Я вернул кроссовки на полку. – Что ты здесь делаешь? – задал я нелепый вопрос.

– Не поверишь, приехала за покупками. – Ее веселая снисходительность вернулась, а от раздражения, которое она излучала на вечеринке Оливера, не осталось и следа. – Ты же не купишь этот ужас? – Она оглядела стопку лежащих рядом со мной зеленых рубашек.

– Нет, конечно. – Я мысленно содрогнулся. – Я маму жду.

– Ты ходишь по магазинам с мамой?

– Не всегда, – пристыженно признался я и тут же пожалел, что вообще открыл рот.

– А утром она тоже тебя одевает?

– Мы пришли за новой одеждой. К школе.

– Кто бы сомневался.

– Все так плохо?

Она оглядела меня с головы до ног:

– Увы.

– Видела бы ты меня в Бруклине. Хотя моя черная шляпа была вполне авангардной.

– Ты правда носил черную шляпу?

– Ну, формально темно-серую. Да и надевал я ее только на бар-мицву.

У нее зажужжал телефон, но она не обратила внимания.

– Какая прелесть.

– В общем, сама понимаешь, я нечасто хожу за покупками.

– Надо было позвать меня. – Я гадал, всерьез ли она предложила это. София заметила мой конфуз, еле заметно улыбнулась и указала на мальчишку, стоявшего у витрины: – Это Харрисон, мой младший брат. Я собираю его в восьмой класс. Правда, красивый?

Я не знал, что ответить, и вяло кивнул.

– Этим летом в лагере у него было две девушки – по крайней мере, так сказали нашей маме. – София примолкла, наклонила голову и странно посмотрела на меня.

– Что?

– Кстати, о вечеринке. – Она понизила голос: – Я о том, что было у Оливера.

– А. Ну... ничего особенного.

– Я так не думаю.

---

⁸⁸ У. Шекспир. “Зимняя сказка”. Перевод В. Левика.

– Все в порядке.

– Я хотела извиниться.

– Ты ни в чем не виновата.

– Правда. Но я ушла и бросила тебя. Хотя у меня были подозрения. И я слышала, что все кончилось... неожиданно. В общем, мне правда жаль, если тебе пришлось сделать что-то неприятное...

– Нет, что ты. В смысле, спасибо, но...

Ровно в этот момент подошла моя мать. Она, не таясь, окинула взглядом Софию: облегающие черные джинсы, туманные голубые глаза, невозмутимый вид. Впрочем, едва ли мама отдавала себе отчет в том, что делает, учитывая, что за десять лет всего лишь второй раз видела меня с девушкой, которая мне не родственница.

– Здравствуйтесь, – довольно невинно проговорила мать.

София протянула ей руку:

– София Винтер. Рада с вами познакомиться, миссис Иден. – Она явно умела общаться со взрослыми – держалась уверенно и невозмутимо, точно разговаривала с ровесницей.

– Вы одноклассница Арье?

– Именно так.

Мать щелкнула пальцами.

– Кажется, я видела вас на барбекю.

– У вас прекрасная память.

– Вот и славно. Я рада, что у Арье такие чудесные новые друзья.

– Он прекрасно вписался в нашу компанию. – София бросила на меня многозначительный взгляд. Я отвернулся, закашлялся. – Ладно, пойду помогу брату, ему всего тринадцать, а привередлив не по годам. Рада была познакомиться, миссис Иден. – Она кивнула, окинула нас сияющим взглядом. – До завтра, Ари.

София ушла. Мы с матерью молчали, смущенные выпавшим нам испытанием.

– Какая красавица, – сказала наконец мама и расплылась в улыбке.

Я выхватил у нее пакет с покупками и пошел вперед:

– Идем?

Она кивнула, притворившись, будто не замечает выражения моего лица.

Сентябрь

*И почему бы мне не воплотиться
Еще хоть раз – чтоб испытать сполна
Все, с самого начала: детский ужас
Беспомощности, едкий вкус обид,
Взросленья муки, отроческий стыд,
Подростка мнительного неуклюжесть?*
У. Б. Йейтс. “Разговор поэта с его душой”⁸⁹

Организационное собрание состоялось в ненастный день, какие бывают во Флориде в конце августа, – морось, прохлада, унылое серое небо.

– Погодка в самый раз, – ворчал Ноах по дороге в академию. Он заметил меня в квартале от дома (я плелся, шурясь от дождя) и настоял, чтобы я поехал с ним.

На парковке царил хаос: громкая музыка, автомобильные гудки, люди снуют в потоке машин. Мы чудом избежали аварии: какой-то парнишка бросился за футбольным мячом и едва не угодил под машину Ниман, та вильнула, чтобы его не сбить, и затормозила в считанных дюймах от задних фар “ауди”. Я наблюдал, как радуются приятели, которые не виделись целое лето, как робко флиртуют друг с другом ребята помладше, ловил на себе недоуменные взгляды незнакомцев. Меня вновь охватила зудящая неловкость, точь-в-точь как на барбекю у Харри-сов, – осознание того, что я здесь безнадежно чужой.

Я готов был смириться с этим неприятным чувством. В конце концов, сказал я себе, мне наконец-то выпала желанная возможность. Я могу смотреть в незнакомые лица и притворяться кем угодно. Стать общительным, добродушно-веселым, начать все с чистого листа. Однако же, когда пришла пора, я увидел себя ровно таким, каким был всегда, – одиночкой, аморфным существом в чуждом мире. Я принял это, как принимают научный факт – равнодушно, не обижаясь на правду, которая существовала всегда, пусть я этого прежде не понимал.

Мы припарковались в дальнем конце стоянки, возле Оливера. Он сидел на капоте своего желтого джипа (подарок родителей на восемнадцатилетие, чем Оливер беззастенчиво хвастался) и на полной громкости слушал Джея-Зи.

– Уже дунул с утраца? – весело спросил Ноах.

– Я делаю что могу, чтобы как-то продержаться, – ханжески ответил Оливер.

– День еще даже не начался.

– Вот-вот, – Оливер кивал в такт голосу рэпера, – в этом-то и проблема.

С пассажирского сиденья выбрался Эван, закашлялся. Взгляд у него был стеклянный, как и у Оливера. Я стиснул зубы. В который раз прокрутил в памяти сцену вечеринки, гадая, имелось ли у Софии основание так говорить или это смехотворное обвинение, как упорно утверждал Ноах. Может, я просто перепил. В конце концов, я впервые напился и вряд ли сумел бы определить, что именно довело меня до такого состояния: то ли я смешал слишком много напитков, то ли мне подлили в коктейль неизвестное вещество. Я отмахивался от этих мыслей, убеждал себя в том, что даже если София права, произошло нелепое недоразумение. Почувствовав мою растерянность, Ноах повел меня прочь от Эвана, к академии.

Я уже видел школу, но только сейчас осознал, какая она на самом деле шикарная. Ноах с ухмылкой наблюдал, как я любуюсь аккуратно подстриженными газонами, бескрайними игровыми полями, уходящими к горизонту, самим зданием, напоминавшим гигантский круизный лайнер. В вестибюле на доске объявлений висела растяжка с надписью “ВЫПУСКНИКИ ЛИГИ

⁸⁹ Перевод Г. Кружкова.

ПЛЮЩА”, а под ней фотографии улыбающихся студентов в обнимку с одной и той же женщиной – невысокой, стройной, с суровым взглядом. Ноах потащил меня в библиотеку, и мы встали в очередь за учебниками.

– Посмотрим. – Ноах выхватил у меня мое расписание. – Углубленный курс по английской литературе. Углубленный курс по биологии, ну это явно не ко мне. Талмуд, Танах то же самое. Начальный курс иврита? Ты разве не из Старого Света?

Я пожал плечами:

– Там говорят на идише. В моей ешиве недолюбливали современный иврит.

– Ну разумеется.

Я указал на курс в самом низу моего расписания:

– А это что такое?

– ЕврИсФил, – ответил Ноах. – Еврейская история и философия. Традиция двенадцатого класса. Ведет занятия мистер Гарольд – классный дядька, суперзнающий, предмет свой любит, но ему уже лет двадцать как пора на пенсию. Так что на уроках у него народ на голове стоит.

Тут нас заметил Амир и пробрался к нам. Сразу же затребовал наши расписания и, нахмуясь, принялся изучать мое. Беспokoиться ему было не о чем, я считал себя умным и, бесспорно, начитанным, но понимал: из-за того, как нас учили в “Тора Тмима”, пробелы в знаниях мне уже не наверстать, хотя это и к лучшему – до Амира мне все равно не дотянуться, я на световые годы отстаю от любого среднего ученика. Амир и сам быстро догадался.

– Ты никогда не учил геометрию? – с нескрываемым облегчением спросил он.

Мы получили книги – тяжелые, грозные книги, внушившие мне одновременно восхищение и тревогу, – убрали их в свои шкафчики, после чего нас отправили фотографироваться. Я напряженно улыбался, чувствуя на себе взгляды, мысленно аплодировал своему решению не надевать сегодня зеленую рубашку, наблюдал, как Ноах и Оливер по очереди занимают место перед камерой. (“Посмотри на себя, Ари! – воскликнула Ребекка, разглядывая мой снимок на фотоаппарате; к моему смущению, ее крик привлек внимание – наверное, она этого и добивалась. – Ты такой фотогеничный, кто бы мог подумать! Ямочки на щеках! Ямочка на подбородке! А какая улыбка! Да ты у нас неограниченный алмаз!”) Потом всю нашу параллель – сто четыре ученика, в три с лишним раза больше моего класса в Бруклине – повели в актовЫй зал, огромный, величественный, с бархатными креслами и жужжащими лампами; там уже собрались остальные учащиеся. Девочек усадили справа, мальчиков слева, хотя *мехицу*⁹⁰ между нами не ставили. Я последовал за Ноахом на задний ряд.

На сцене стоял осанистый мужчина с редкой бородой, аккуратно расчесанными седыми волосами и суровым, но добрым лицом. Невысокий, очень худой, он вытирал нос разноцветным платком – красно-бело-сине-зелено-желто-черным, в цветах южноафриканского флага.

– Это рабби Фельдман, – сказал мне Ноах. – Заведующий кафедрой иудаики. Он из Кейптауна. Малость строгий, но в целом хороший мужик.

Рабби Фельдман дождался, пока все рассядутся и замолчат. Передний ряд подозрительно пустовал.

– Харрис, – выкрикнул он с резким акцентом; для такого тщедушного телосложения голос у него был на диво выразительный, – пожалуйста, собери свой ряд и переходите вперед.

Я тут же встал (просьба показалась мне невинной) и увидел, что остальные поднимаются ворча и неохотно. Оливер, сидящий слева от Ноаха, отпустил еле слышное замечание.

Рабби Фельдман поднял брови:

– Прошу прощения, Беллоу?

– Извините меня, рабби, – ответил Оливер. – Пожалуйста, не думайте, что я не скучал по вам.

⁹⁰ Мехица – барьер, разделяющий мужскую и женскую части в синагоге.

По нашему ряду пробежали смешки. Рабби Фельдман, пряча усмешку, вежливо попросил Оливера замолчать.

Мы перебрались на первый ряд и сели в считанных футах от рабби Фельдмана. Я заметил, что Джемма и прочие девушки перешептываются, покосился на сияющую, оживленную Софию, сидящую между Ребеккой и Реми.

Рабби Фельдман откашлялся и вновь улыбнулся.

– Добро пожаловать. Рад видеть, что вы полны энтузиазма. – Он насмешливо взглянул на Оливера, который нахально показал ему большие пальцы. – Школа с нетерпением ждет начала нового учебного года, и мы уверены, – он небрежно обвел рукой зал, – что у нас выдающийся выпускной класс. Мы счастливы, что у нас такие ученики; совместными усилиями мы добьемся успеха в этом году.

Распахнулась задняя дверь. Вызывающе насвистывая, вошел Эван. Все дружно обернулись к нему. Кое-кто из младших даже вскочил на ноги, словно приветствуя раввина. Я заметил, что София отвернулась и с блуждающей улыбкой посмотрела на Ребекку.

– Вот так сюрприз. – Рабби Фельдман вздохнул в микрофон. – Мистер Старк, как хорошо, что вы к нам присоединились.

Эван подчеркнуто неторопливо прошел по ряду, не обращая внимания на сотни любопытных глаз.

– Я бы хотел объявить во всеуслышание, рабби, что лето явно пошло вам на пользу, – ответил Эван. – Вы стали такой... поджарый. Вам помогла палеодиета, о которой я говорил?

Рабби Фельдман выдержал его взгляд и, к моему удивлению, фыркнул от смеха.

– Вы не думайте, я еще долго буду казнить себя за то, что рассмеялся. А девятиклассникам советую не подражать... скажем так, отваге этого молодого человека. Он подает плохой пример. Его последователи так легко не отделаются.

В зале засмеялись. Эван же, из-за которого и поднялась суматоха, уселся позади нас на втором ряду.

– Черт подери, – Ноах повернулся к Эвану, – этому все с рук сходит.

– На чем я остановился? Ах да, раз уж вы все такие приличные молодые люди, совсем взрослые, – рабби Фельдман закатил глаза, – мы рассчитываем, что вы будете вести себя хорошо и относиться к школе с тем же уважением, какого ждете к себе. Прошлогодние выпускники были замечательные...

– Жалкие идиоты, – прошептал Оливер Ноаху. – Они хоть что-нибудь отмочили?

– ...и мы ожидаем такой же ответственности и содействия от наших будущих выпускников. – Он продолжал в том же духе: чтобы учебный год прошел гладко, между учениками и преподавателями должно быть взаимное уважение, они должны вместе развиваться, обогащаться познаниями и в светских науках, и в иудаике. Закончив, он попросил нас встать и поприветствовать рабби Блума, нашего директора.

– Наш главный, – прошептал Ноах. – Он тебе понравится. Самый умный человек на свете.

Директор был высокий, худой, сутулый, лет шестидесяти, не больше. Лицом смахивал на эльфа, волосы у него были седые, стального оттенка, взгляд пристальный; он обвел взглядом зал.

– Леди и джентльмены, – негромко и вдумчиво произнес он, словно обращался лично к каждому, – девятиклассники и двенадцатиклассники, десятиклассники и одиннадцатиклассники, добро пожаловать домой.

– Он по-прежнему в восторге от самого себя, – с улыбкой пробормотал Эван.

Ноах кивнул на Эвана.

– Они с Блумом и ненавидят, и любят друг друга, – пояснил Ноах. – Вообще, если честно, скорее любят. Сам увидишь.

– Мне очень приятно быть директором вашей школы, которая лидирует среди современных ортодоксальных школ нашей страны. Помню, лет двадцать пять назад, когда мы только-только организовали это учебное заведение, я представлял себе академию, в которой ученики в самом глубоком смысле будут совершенствовать своих наставников. Аристотель говорил: корень ученья горек, а плоды его сладки. – Он примолк, обвел взглядом слушателей. – При всем уважении к *морену*⁹¹ Аристотелю, я не согласен с этим утверждением и считаю, что образование должно быть совершенным во всем – и по сути, и по духу. Уверен, вы согласитесь: между вами нет горьких корней.

Мой ряд пропустил его слова мимо ушей. Все слушали, как Эван шепотом рассказывает о своем головокружительном лете: девушки из маленьких испанских городков, купание в реке Тахо, увлекательные походы в Кантабрийские горы, сорокалетняя женщина, рядом с которой он как-то проснулся на берегу реки. Меня же слова рабби Блума заворожили. Он говорил много, с неистовой скоростью, сплетая религиозное с мирским; вспомнил Джона Адамса⁹², который утверждал, что евреи привили миру основы морали, рассуждал о талмудическом законе как интеллектуальном предшественнике теории государства Локка⁹³, о разнице между марксизмом – он порабощает – и религией – она открывает возможности. Каждое его слово разительно отличалось от ломаного английского моих бывших раввинов. Вот оно, подумал я, тот шанс, ради которого я уехал из Боро-Парка.

– Огонь могуществен, – сказал он под конец. – Но он бессилен повлиять на то, что неспособно воспламениться. Попробуйте поджечь стекло, кирпич, бетон – ничего не выйдет. – Он оглядел нас, одного за другим. Держался он грозно; в нем читалась не холодность, а сила разума. – И если вы, ученики, окажетесь невосприимчивы к вдохновению, никакая идея не проникнет в вашу душу, даже самая зажигательная. – С этим нас отпустили, однако, едва мы направились к выходу, рабби Блум снова взял микрофон: – Мистер Старк, мистер Беллоу, мистер Харрис и мистер Самсон, на два слова.

– Ну вот, снова-здорово, – произнес Ноах. – Не рановато ли?

Оливер похлопал меня по спине:

– Сложи о нас песню, чувак.

Я направился к двери, они поднялись на сцену. Я оглянулся на них: они стояли кружком и о чем-то шептались, а рабби Блум молча любовался ими. Меня на миг обожгла необъяснимая зависть, и я вышел из актового зала.

* * *

Понедельник, наш первый учебный день, выдался погожим, все было залито солнцем, пальмы покачивались в унисон, небо блистало лазурью. Нервничал я еще больше, чем в пятницу. Все выходные я раздумывал над тем, что случилось за этот месяц: я влился в чуждую для меня компанию, обманул родителей, забыл утром наложить тфилин, напился до беспамятства, грубо нарушил шомер негия и, скорее всего, мне в коктейль подмешали наркотик. К концу шаббата я все тщательно обдумал и решил абстрагироваться от всего происшедшего, восстановить равновесие. Я действительно хотел начать новую жизнь, но не такую.

– Не может быть, – едва мы вошли в школу, сказал Ноах, взглянув на объявление на доске.

– Что?

---

⁹¹ Учитель (*ивр.*).

⁹² Джон Адамс (1735–1826) – один из отцов-основателей и второй президент США.

⁹³ Джон Локк (1632–1704) – английский философ.

– Обхохочешься. – Он провел пальцем по приклепленному к доске листу бумаги. – Смотри, это список миньяним. Вот обычный миньян, на который соберется процентов восемьдесят пять всей школы, вот миньян для сефардов, наших средиземноморских братьев. А вот, – он ткнул пальцем в мое имя в списке, – последний по порядку, но не по значению, так называемый вразумительный миньян, для нас.

– Не понял.

– Скажем так: проще отделить хороших от гнилых. Он задуман как воспитательный, исправительная молитва, миньян 101.

Я кивнул. Я сообразил, к чему он клонит.

– Самое забавное, что они засунули единственного в школе бруклинского хасида в миньян для отступников.

Мне это не показалось забавным. Я хотел ответить, что меня определили к ним не по ошибке, а потому что я общаюсь с ним и его друзьями.

– Я не хасид.

– Ладно. Полухасид.

Я покачал головой.

– Или как это называется. Как ты сам себя определяешь?

Я пожал плечами:

– Фрум. Еврей. Не знаю.

– Не обижайся, – он подавил ухмылку, – это же хорошо.

– И что тут хорошего?

– Прикольно, мы все вместе. Ну, кроме Амира, конечно, но этого следовало ожидать.

– Надо будет попросить, – ответил я, – чтобы меня перевели в обычный миньян.

– Забей. Как только они поймут, что натворили, мигом отправят тебя к неинфицированным. Наши раввины тебя точно полюбят.

Миньян, который любовно прозвали “миньян икс”, проходил в научной лаборатории на втором этаже; как я и опасался, он оказался сушей пародией. Собралось пятнадцать человек, включая Донни, здоровяка, который на вечеринке у Оливера сломал стол для пиво-понга, и курносого поджарого аргентинца с вечеринки у Ниман (“Гэбриел”, – представился он и сердечно пожал мне руку). Оливер с Эваном не удосужились прийти; Ноах сказал, они обычно вместо молитвы ходят завтракать в один из соседних дайнеров – разумеется, некошерный. В передней части комнаты сидел раввин, ведущий миньян, и рассеянно играл в тетрис на телефоне.

– Рабби, – Ноах подвел меня к нему, – это Дрю Иден, наш новенький.

Я еле удержался от замечания, что на самом деле меня зовут не так, и пожал руку раввину.

– Рабби Шварц, – любезно сказал он, на миг приостановив игру. Он был средних лет, невысокий, сухощавый.

– У него то ли девять, то ли десять детей, – прошептал мне Ноах, когда мы отошли от стола, – поэтому у него всегда такой усталый вид.

В “Тора Тмима” даже приготовишек учили молиться почтительно – или хотя бы не разговаривать во время молитвы, чтобы не навлечь на себя гнев ребе. (Наши раввины – наследники европейского воспитания – могли и прикрикнуть на нас, и ударить линейкой; когда мы были в четвертом классе, рабби Херенштейн в наказание вышвырнул в окно любимые электронные часы Мордехая, ханукальный подарок. “Время летит”, – пожал плечами нераскаявшийся Мордехай.) К старшим классам мы так серьезно относились к молитве, что, подобно левитам, взлетавшим по ступеням Храма, наперегонки мчались к *биме*⁹⁴, чтобы удостоиться чести первым

⁹⁴ Бима – возвышение (обычно в центре синагоги), на котором стоит стол для публичного чтения свитка Торы; сам стол тоже называют бимой.

прочитать молитву. От этого же миньяна рабби Херенштейн разрыдался бы. Из портативных колонок гремела электронная музыка. Во время *псукей де-зимра*⁹⁵ начались громкие разговоры и усиливались до самой “Алейну”. Донни чеканил баскетбольный мяч, другие лихорадочно дочитывали заданное на лето, тфилин и на голову, и на руку не наложил почти никто, удовольствовавшись чем-то одним. Я сел за заднюю парту и робко обмотал руку тфилином, чувствуя на себе тяжелые взгляды, точно я нарушаю некий священный кодекс. Рабби Шварц поднял глаза от телефона, увидел, что я жду начала, покраснел, нерешительно кашлянул.

– Ребята, если не возражаете, давайте приступим.

Саму службу существенно отредактировали. Видимо, полная версия утренних молитв оказалась слишком утомительной и школа решила их сократить до пятнадцати минут максимум. Затем, в соответствии с “вразумительной” направленностью миньяна, рабби Шварц нехотя объяснил, почему важно молиться, – правда, его никто не слушал. (“Молитва – выражение благодарности, – сказал он, не обращая внимания на то, что на задней парте режутся в покер, – она дает нам возможность мысленно побеседовать с Владыкой вселенной”). Когда он закончил, я негромко попросил его перевести меня в обычный миньян.

* * *

День прошел как в тумане. На сдвоенном занятии по Талмуду рабби Шварц изо всех сил старался увлечь нас трактатом Брахот.

– Благословения, – бубнил он, – подтверждают то, что мы принимаем Бога как Творца вселенной. Но есть у них и вторая цель. Какая? – спросите вы. – (Никто не спрашивал.) Он откашлялся. – Они учат нас осмысленной благодарности и наслаждениям духовным.

Занятие по Танаху рабби Фельдман начал с обсуждения того, почему Рамбам так упорно подчеркивает слабости патриархов. (“Чтобы стать праведниками, – произнес он с диковинным южноафриканским выговором, – необходимо понять, что даже лучшие из нас всего лишь люди – такие же, как мы”). Иврит у нас вела Мора Адар, семидесятилетняя израильтянка с выкрашенными в неестественно белый цвет волосами; пятьдесят минут ее урока оказались самыми скучными. (“Повторяйте за мной: «бейт сефер»”, – велела она с сильным акцентом. Оливер, торчавший в ее классе четвертый год подряд, выругался на иврите.)

Мора заметила мое недоумение.

– *Ата хадаш?*

Мой мозг медленно перевел: ты новенький?

– *Кен.*

– *Эйх хаверит шелах?*

– *Э-э, ма?*

– *Эйх хаверит шелах?*

– Это значит “Как твой иврит?”, – не выдержал кто-то из сидящих позади меня. – Господи Иисусе!

Мора Адар вздохнула и пробормотала что-то о скверных лингвистических способностях американцев.

К счастью, урок завершился, Оливер повел меня наверх, в близкую комнату на третьем этаже, мы вылезли в окно на балкон, где, рассевшись в шезлонгах, уже обедали Эван, Ноах и Амир.

Я неловко покосился на парковку, подозревая, что меня дурачат.

– Нам разве можно сюда?

– Еще бы, Иден, конечно, – ответил Эван. – И курить нам тоже никто не запрещает.

---

⁹⁵ Пение псалмов и благословений перед утренней службой.

– Надо будет притащить тебе шезлонг, Ари, – сказал Ноах. – Эти нам принес Джо.
Я уселся на пол, спиной к перилам, и развернул сэндвич.

– Сначала надо его посвятить, – пробормотал Оливер, набив рот суши; он заказал доставку на адрес администрации, хотя, насколько я понял, ему не раз говорили, чтобы он не смел так делать. – Берегись, Иден, последний лох не выжил.

Я посмотрел на суши Оливера и с отвращением перевел взгляд на свой скромный сэндвич с арахисовым маслом.

– Я готов рискнуть.

– А это еще что? – Амир вдруг подался к Эвану, который вытащил из рюкзака книгу в потертом кожаном переплете. – Неужели ты не дочитал то, что Хартман задала на лето?

Эван, не поднимая на него глаза, убрал книгу обратно и застегнул молнию.

– Это книга о Набокове.

– Да ладно? Дашь посмотреть перед английским?

Ноах рассмеялся.

– Расслабься, – ответил Эван, не глядя на Амира. – Тебе это будет неинтересно.

– А. – Амир плюхнулся на шезлонг. – Опять философия?

– Не парься.

– И как вы только читаете это дерьмо, – произнес Оливер и зубами разорвал пакетик с соевым соусом. Брызнула черная жидкость, едва не запачкав Амира. – Я бы повесился.

– Аккуратнее! – Амир оглядел рубашку, нет ли пятен. – В кои-то веки постарайся считаться с другими.

Ноах отпил большой глоток “Гаторейда”. Вытер с губ оранжевую жидкость.

– Рабби Блум до сих пор дает тебе книги?

– Иногда.

– Что это? – спросил я.

Эван поймал мой взгляд, улыбнулся.

– Вряд ли ты такое читал.

После обеда начался ЕврИсФил, и это, как предупреждал Ноах, оказался какой-то цирк. Мистеру Гарольду было под девяносто; ростом он был шесть футов и шесть дюймов, невероятно добрый, с редкими пучками волос на макушке в старческой гречке. Поговаривали, когда-то он играл за “Рочестер Ройалз”⁹⁶. Предмет свой в том или ином виде преподавал уже лет сорок, и, как я быстро сообразил, никакой управы на класс у него не было. К ассирийскому плену испарился даже намек на порядок: Ноах спал, накинув на голову капюшон толстовки, на экране его лежащего на парте айфона шли “Во все тяжкие” (правда, негромко); Амир лениво записывал за учителем, успевая сражаться с Лили в крестики-нолики; на задней парте Эван заигрывал с Реми, и говорили они в полный голос, поскольку бедный мистер Гарольд не слышал, что творится в глубине класса. Я почти весь урок просидел в оцепенении, изнывая от скуки, и развлекался тем, что поглядывал на Софию, которая грустно шепталась с Ребеккой и поглядывала на Эвана с Реми.

На геометрии я целый час тупо тарачился на непонятные графики, которые начертил коренастый и неуклюжий доктор Портер.

– Неужели никто из вас не знает, чем угол отличается от луча? – Кажется, прежде он работал в министерстве энергетики. И наше угрюмое молчание его удивляло. – Вообще никто?

Николь подняла руку:

– Разве это не одно и то же?

Ее подружки захихикали.

---

⁹⁶ Баскетбольная команда, сейчас называется “Сакраменто Кингз”.

Когда Николь заговорила, сидящий за мной Оливер пнул мой стул. Я скривился, у меня вспыхнула шея. После той вечеринки мы с Николь толком не общались. Я ожидал (по крайней мере, первое время), что мы обсудим случившееся, но в единственную нашу встречу Николь, не смущаясь, ограничилась кратким “привет”. Я не знал, как принято поступать в подобных случаях, – неужели в порядке вещей, гадал я, после близости притворяться, будто ничего не было? – и обратился к Ноаху, а тот посоветовал мне отнестись к решению Николь с уважением и не стремиться сократить дистанцию.

– Вообще-то нет, – слабо улыбнулся доктор Портер. Глаза у него слезились, казалось, он вот-вот расплачется. – Луч – это линия, которая начинается в данной точке и бесконечно тянется в заданном направлении. Два луча, исходящие из одной точки, образуют угол...

После математики – у меня еще кружилась голова от всех этих вершин и параллельных плоскостей – ко мне подошел крепкий, опрятно одетый парень.

– Аарон Дэвис, – объявил он и протянул руку. Я узнал его, это был тот нахал с урока иудаики, который громко отвечал на вопросы, чересчур оживленно жестикулируя. – Вот решил подойти познакомиться.

– Ари Иден, – благодарно ответил я. В школе меня сторонились – я либо общался с Ноахом и компанией, и тогда от меня держались подальше, либо был один, и тогда на меня смотрели как на изгоя.

– Мы с тобой, я вижу, ходим на одни и те же занятия. – Одет он был слишком нарядно – галстук, темно-синие брюки в тонкую полоску; очки были ему велики, то и дело сползали с переносицы. – Как тебе первый день?

Я ответил, что хорошо.

– Отлично. Ты явно вписался. Ты из Норуолка?

– Что?

– Или из Уотербери? Ты вроде откуда-то из Коннектикута.

– Из Бруклина.

– Оригинальничко.

– В смысле? Я не сказал бы...

– Мне на физику пора, – перебил он, поправляя галстук. – Рад познакомиться, это большая честь для меня. Помнишь, что говорил Гамильтон⁹⁷ о священном удовольствии новой дружбы?

Едва он ушел, сунув руки в карманы и насвистывая мотив времен Гражданской войны, как из-за шкафчика показался Оливер.

– Правда, противный?

– Не знаю. По-моему, милый.

– Милый? Высокомерный всезнайка, одержимый историками и Гарвардом, как все в его семье.

– А. Ну если в этом смысле...

– Не сомневаюсь, он был с тобой мил. Наверное, хочет, чтобы ты проголосовал за него.

– Проголосовал?

– На выборах президента школы. Скоро начнется избирательная кампания, а Дэвис прирожденный политик. Эван его терпеть не может, – буднично сообщил Оливер. – Не говоря уж о том, что Дэвис с Амиром постоянно соперничают.

– Из-за чего?

– Из-за оценок, наград, колледжей, кто самый большой заучка и зануда.

– А Эван?

– Мог бы, если б хотел. Но не хочет.

---

⁹⁷ Александр Гамильтон (1755–1804) – один из отцов-основателей США.

– Почему?

Оливер пожал плечами:

– Эвану все равно.

Биологию у нас вела самая необычная учительница, доктор Урсула Флауэрс.

– Да-да, имя неудачное, сама знаю, привыкайте к этой мысли, и начнем урок, – отрезала она, выводя свое имя на доске. Седая, мускулистая, из-под воротника рубашки виднеется татуировка – маленький, скверно прорисованный микроскоп. – А как иначе, если твои родители бестолковые гавайские хиппи с нездоровым пристрастием к Диснею? – И закашлялась, точно по сигналу.

– Вам плохо? – наконец спросил кто-то.

– Тип-топ, – просипела она, согнувшись пополам, и, порывшись в ящике стола, достала бумажные салфетки. – Привыкайте, – повторила она, лихорадочно стараясь отдышаться. – Хотите совет? Не курите одну за другой.

Народу на урок пришло на удивление мало, всего семеро двенадцатиклассников, остальные были кто на физике, кто на экологии (и то и другое – углубленный курс). Сам не знаю, как я попал в этот класс. В заявлении в “Коль Нешама” я не выразил ни малейшего интереса к биологии. Впрочем, увидев в первом ряду Софию, я решил, что буду ходить.

– Ари. – Она вскинула брови. – Какой приятный сюрприз.

Я рискнул усесться рядом с ней, и от собственной смелости у меня на миг закружилась голова.

– Почему ты всегда так удивляешься, когда видишь меня? – спросил я.

София окинула меня взглядом, сложила губы в подобие изумленной снисходительной улыбки.

– Не думала, что ты интересуешься наукой.

– Я и не интересуюсь, – ответил я, гадая, не обидеться ли на ее слова.

– Готовишься в медицинский?

– Не-а.

– Значит, преследуешь меня?

– Хватит заигрывать, – откашлявшись наконец, рявкнула доктор Флауэрс.

Битый час нас мучили ван-дер-ваальсовым взаимодействием и ненаправленными ионными связями. Следующим уроком был английский. Едва прозвенел звонок, в класс вошла миссис Хартман, высокая, худая, строгая, в черной одежде разных оттенков, и в наступившей тишине написала на доске – я в жизни не видел такого роскошного почерка – одно-единственное слово: “Трагедия”.

– Почему люди читают, пишут, изучают, а иногда – атавистическая привычка – и наслаждаются трагедией? – Она обвела глазами комнату.

Амир осторожно поглядел по сторонам и поднял руку.

– Мистер Самсон.

– Мы садисты.

– Мы садисты. И почему же?

– Э. – Амир молчал, удивленный тем, что учительница не довольствовалась его ответом.

– Наверное, людям нравится смотреть, как другие страдают.

– То есть им свойственно наслаждаться чужими страданиями?

Амир покосился на затаившегося Дэвиса.

– Да, – смущенно произнес он.

– Что ж, такое мнение имеет право на существование, хоть и несколько пугает. Кто еще хочет ответить? (Молчание.) Или только мистеру Самсону есть что сказать?

– Катарсис, – выпалил я, когда Дэвис решился поднять руку. На меня обернулись: у парня из Бруклина есть мнение о трагедии.

Миссис Хартман прищурилась с любопытством:

– Как вас зовут?

– Ари Иден, – смущаясь от пристальных взглядов, ответил я.

– И что же вы имеете в виду под катарсисом, мистер Иден?

– То, что нас очищает, – пояснил я. – Дает нам возможность выразить страх и жалость.

– А когда мы чувствуем страх и жалость?

– Постоянно, – сказал я. – Мы кажемся себе ничтожными по сравнению с древними греками. Менее важными, менее значимыми. Но нам все же ведома скорбь, пусть и не в таких масштабах.

Я слышал шорохи, но не решался повернуть голову. Краем глаза я видел, что Амир уставился на меня, открыв рот. К моему удовольствию, София повернулась и, поигрывая браслетом, с интересом смотрела на меня. Сидящий справа Эван не сводил с меня глаз и кивал. Потом принялся что-то лихорадочно царапать в тетрадке и, закончив, расплылся в самодовольной улыбке.

Миссис Хартман крутила в пальцах мелок.

– Как по-вашему, с точки зрения общественных целей трагедия явление положительное или отрицательное?

Я вспомнил, как просиживал долгие часы в библиотеке Боро-Парка, погружившись в далекие миры – шепот, грезы, все великое и золотое, – где обрело форму мое одиночество.

– Положительное.

– И почему же?

– Потому что позволяет нам узнать то, чего мы никогда не увидим своими глазами.

Тишина. Похоже, мой ответ произвел впечатление, Ноах даже украдкой показал большой палец, и меня на миг охватила гордость. София подняла руку.

– Мисс Винтер?

– Я не согласна.

– С мистером Иденом?

– Да.

– Замечательно. – Миссис Хартман торжествующе улыбнулась. – Поясните.

– Трагедия не спасает нас. – София не сводила глаз с доски. – Трагедия не расширяет наше воображение и не облагораживает нас.

– Что же она тогда делает, мисс Винтер?

– Она сражает нас наповал. Повергает в прах. – София спокойно выпрямилась, перевела взгляд на миссис Хартман. – По-моему, об этом нельзя забывать.

Миссис Хартман резко кивнула.

– Мисс Винтер и мистер Иден затронули интересную тему, с которой мы и начнем разговор о каноне эпической и трагической литературы, которую, начиная с “Илиады”, мы будем изучать в этом году.

И она принялась распинаться об основных принципах трагедии, о том, чем античный жанр отличается от шекспировского и современного. Я слушал с большим удовольствием, вдобавок меня вдохновляла мысль, что после урока София подойдет ко мне, бросит на меня печальный взгляд, уделит мне внимание. Но едва прозвенел звонок, София выбежала из класса.

* * *

Остаток недели выдался однообразным. Каждый день я по настоянию Ноаха ездил с ним на машине в школу, обедал с ним и его друзьями на балконе третьего этажа, сидел рядом с ними на уроках. К сожалению, меня так и не перевели из “миньяна икс”: рабби Шварц, замечая,

что я досаую на кощунственные привычки сверстников, лишь смущенно пожимал плечами. Я старался не раздражаться, забивался в угол, закрывал глаза, и молитвы мои сплетались с резкими звуками, которые издавал диджей по имени Авичи.

Я с головой погрузился в учебу. Иначе было нельзя. Я понимал: чтобы оставаться на плаву, мне нужно заниматься всерьез. Я притворялся, будто знаю, что сумма углов треугольника равна 180° , оцепенело тарасился на доктора Флауэрс, когда она заявила, что не станет тратить время на объяснение ковалентных связей, кивал, когда Дэвис рассказывал о событиях, приведших к взятию Бастилии. У меня скопилась гора домашних заданий: задачи по математике, переводы с иврита, викторина по Танаху, грядущая контрольная по биологии (“Если в мае кто-то надеется сдать экзамен, мы должны двигаться в прежнем темпе, и я никому не позволю нас задерживать”, – предупредила доктор Флауэрс, вперив в меня грозный взгляд). И все равно уроки мне нравились, особенно английский. Его я делал в последнюю очередь, поздно вечером, уже лежа в кровати, а потом засыпал, глядя на странные геометрические фигуры света от ночника на стене и представляя образы горящей троянской крепости.

* * *

– Ты придешь завтра вечером на отбор? – спросил за обедом Ноах, вгрызаясь в толстый сэндвич с индейкой.

– Какой отбор?

– В баскетбольную команду. Мы все там.

– Ты играть-то умеешь? – Эван сидел над нами на перилах балкона. – Я думаю, вряд ли.

Я занимался баскетболом почти все детство. В “Тора Тмима” входил в число лучших игроков класса, хотя это и не требовало усилий, хватало умения вести мяч и мало-мальской координации движений. В девятом классе у нашей команды за полгода было всего три тренировки и одна официальная игра – товарищеский матч с командой ешивы “Хафец-Хаим”. Мордехаю, нашему лучшему игроку, пришлось бросить баскетбол после того, как родители узнали, что из мишмара он уходит пораньше, чтобы покидать по кольцу. Вскоре после этого команда распалась.

– И неплохо, – ответил я.

– Насколько неплохо? – уточнил Оливер.

Их допросы меня раздражали. Я боялся, что, хорошенько подумав, они вдруг осознают всю вопиющую нелепость моего присутствия. Обо мне перешептывались в коридорах, на меня тарасились: плохо одетый, смертельно застенчивый бруклинский паренек разъезжает на дорогих автомобилях с Ноахом Харрисом и Эваном Старком. Впрочем, косые взгляды меня не сказать чтобы волновали – возможно, потому что я, как ни странно, получал удовольствие от того, насколько моя жизнь отличается от жизни окружающих меня незнакомцев. Мне самому собственная жизнь часто казалась неинтересной, я понятия не имел, как выгляжу со стороны и каким меня видят другие, поэтому такое внимание было мне скорее приятно, даже в те минуты, когда я жалел, что отныне меня считают частью этой компании.

– Приходи, – сказал Ноах. – У нас в команде в этом году три или четыре свободных места. Если окажется, что ты играешь плохо, мы попросим Рокки – мол, оставьте его чисто для смеха. Смех сплачивает команду.

– Кого попросите?

– Н-да. – Оливер смотрел на ютьюбе лучшие матчи Ноаха в одиннадцатом классе. – Рокки ему вряд ли понравится.

– Это наш тренер, – пояснил Ноах. – С придурию, но крутой чувак.

– В школе он был легендой, – добавил Амир. – Но на первом курсе Виллановы порвал связку. Правда, потом еще играл за границей.

Оливер рассмеялся:

– Ага, в Скандинавии.

– Он тебе точно понравится, – Эван ехидно улыбнулся, – особенно если ты любишь всевозможные пытки.

* * *

Рокки оказался куда колоритнее, чем его описывали. Густо татуированный лысый недомерок (шесть футов, по его словам, а на деле ближе к наполеоновским пяти футам десяти дюймам), Рокки лучился энергией, злостью и самодовольством, ни секунды не стоял на месте, выкрикивал оскорбления, время от времени выхватывал у нас мяч и показывал, как надо выполнять упражнение.

– Рокки, это Дрю Иден, новенький. – Ноах подвел меня пожать руку тренеру.

Рокки вцепился в мою ладонь, приблизил лицо к моему лицу:

– Как у тебя с этим?

– Пардон?

– Есть в тебе это или нет? – Он до боли стиснул мою руку. Ноах жестом показал мне, что нужно кивнуть.

– Да, сэр.

– Я тебе не “сэр”. Я чертов зверь.

Я выдернул у него свою руку.

– Понял.

– Если в тебе нет этого огня, пошел на хер с моей площадки. – Он сунул мне мяч и отправил на заднюю линию к Оливеру.

– Жестко, да? – сказал Оливер.

Все принялись выполнять затейливые упражнения на растяжку. Я симпровизировал – стал делать наклоны вперед.

– Тебе это нравится?

Оливер пожал плечами, подтянул шорты.

– Если честно, обычно я сижу на скамейке и ничего не делаю.

Рокки дунул в свисток, выстроил нас в центре площадки и жестом велел Ноаху подойти.

– Он любит Ноаха, если ты еще не понял, – прошептал Оливер. – Это его любимый игрок. Впрочем, Ноаха любят все. Он наш школьный Швед⁹⁸. Гребанный Тор.

– Это Ноах Харрис. – Рокки расхаживал перед нашей шеренгой, точно командир, который готовит солдат к боевой операции. – Кто не знает Ноаха Харриса, поднимите руки.

Никто не поднял руку.

– Я так и думал. – Он согнул руки. На левом бицепсе виднелся носорог и логотип “Эйр Джордан” – человек в прыжке. – Кто мне скажет, почему мы знаем Ноаха Харриса?

На другом краю шеренги поднял руку Донни.

– Потому что он наш капитан.

– Нет, Донни, черт возьми, не поэтому. А потому что он лучший игрок в этой школе, а когда ты лучший игрок в школе, тебя уважают. Откуда я это знаю? Потому что я и сам был лучшим игроком в школе. (Ноах покраснел. Я впервые видел его смущенным.) Это называется “совершенствовать мастерство”, – продолжал Рокки, – и тренироваться, пока не заслужишь уважение не окружающих, – на его лбу пульсировали жилы, – а свое собственное. Вот в чем смысл этой игры, парни, – хрипло прошептал он. – Вот в чем смысл этой проклятой

---

⁹⁸ Харви Уэйд “Швед” Холбрук (1933–1988) – американский баскетболист, с 1960 по 1962 год играл в НБА; самый высокий баскетболист своего времени.

жизни. Усекли? (Мы послушно кивнули, притворившись, будто хоть что-то поняли из его слов.) Хорошо. А теперь Эван Старк, Амир Самсон, Гэбриел Хури и, черт с тобой, Донни Силвер, шаг вперед и встаньте лицом к товарищам по команде. Это наша стартовая пятерка. Значит, у нас еще семь свободных мест. Никому ничего не обещаю, даже если в прошлом году вы были в команде, даже если вы считаете себя Божиим даром этому священному спорту. Даже если ваш отец жертвует крупные суммы на школу, Беллоу не в счет. Ясно?

Он разделил нас на группы, и начались упражнения: челночный бег, рваный бег, пробежать между конусов, чеканя мяч попеременно левой и правой рукой, бросить мяч из-под кольца, уворачиваясь от Рокки, который пытается нам помешать.

– Черт бы тебя подрал, Силвер, катись ты в ад! – заорал тренер, когда Донни промазал по кольцу и рухнул на пол. – Если сил не хватает, так нечего тебе здесь делать!

Играл я плохо. Несколько раз забросил мяч в прыжке (случайно повезло, учитывая, как запугал меня Рокки), но двигался медленно, явно растерял форму и умудрился облажаться в куче упражнений: то побегу не в ту сторону, то мяч потеряю, а один раз вообще выпнул его за пределы площадки.

– Что за херня? – прорычал Рокки и заставил меня пробежать десять кругов “за то, что не знаешь, куда себя деть – и с мячом, и на площадке, и, видимо, в жизни”.

Последние двадцать минут игра шла команда на команду. Я показал себя как никогда скверно, потому что еле таскал ноги, задыхался, в груди горело, во рту пересохло, а еще потому что товарищи по команде не рвались передавать мне мяч. Больше всего я радовался, когда меня удаляли с площадки, ведь тогда мне удавалось перевести дух.

В конце тренировки Рокки велел новичкам играть вместе. Донни, центровый, никуда не годился, – правда, благодаря своему весу он пробивал оборону, но, к досаде Рокки, постоянно промахивался, кидая из-под кольца. Эван, тяжелый форвард, оказался прекрасным защитником, вдобавок атаковал уверенно и упорно, снова и снова спасал игру. Гэбриел был легким форвардом – хотя его, похоже, взяли оттого лишь, что нужен был еще один игрок, – ему удавались только подборы⁹⁹ и комбинации с пробежками, все остальное получалось плохо; Амир, атакующий защитник, отлично бросал трехочковые.

Ноах выступил выше всяких похвал. Он играл быстро, мощно, бросал с любой дистанции, водил мяч за спиной, между ног, стремительно огибал защитников. Он делал головокружительные пасы через всю площадку, посылал передачи по самой невероятной траектории, бросал с любого разворота, прорывался к кольцу и резко взмывал ввысь – тут ему не было равных. Спору нет, он играл лучше всех, кого я знаю, но куда больше меня впечатлило его поведение. Он бурно выражал свои чувства, выкрикивал команды, но не издевался над нами, старался делать пасы, не владеть мячом в одиночку, а когда Рокки разругал бедолагу Донни, Ноах его успокаивал.

– Ноах, – сказал я ему в машине после тренировки (от боли я старался не шевелиться, но до сих пор был под впечатлением от увиденного), – это просто невероятно...

– Ари, – перебил он, – от кого, от кого, а от тебя я не хочу выслушивать эту хрень.

Я польщенно кивнул и замолчал.

* * *

На следующий день после занятия по Талмуду – скучища, мы обсуждали *бейн хаашма-шот*¹⁰⁰, тот неуловимый миг, когда уходит день и наступает ночь, – я услышал, как мое имя произносят по громкой связи.

---

⁹⁹ Подбор – ситуация, когда игрок овладевает мячом после штрафного броска или неудачного двух- или трехочкового.

¹⁰⁰ Сумерки (*ивр.*).

– Почему меня вызывают? – по-дурачки прохрипел я и беспомощно уставился на Амира. – Это плохо?

Амир нетерпеливо собирал вещи.

– Расслабься. Если бы у тебя правда были проблемы, тебя вызвал бы лично Блум.

Я пошел в администрацию. Секретарь, добрая миссис Дженис, – с южным акцентом, лет пятидесяти, в очках с роговой оправой – сказала мне, куда идти. Мне предстояло встретиться с миссис Баллинджер, сообщила миссис Дженис, начальницей отдела консультаций по высшему образованию. Я не совсем понимал, в чем дело, но все же отправился в указанный кабинет, постучал в дверь.

– Войдите.

Кабинет пестрел наглядными пособиями: на полках стояли справочники по сдаче экзаменов и поступлению (“Университеты мечты, часть вторая”, “Как написать идеальное сочинение и не опозорить семью”), на доске висели флажки (малиновые, ярко-красные, светло-голубые), на стенах сплошь фотографии миссис Баллинджер с абитуриентами, которые с улыбкой держат в руках письмо о зачислении в колледж. За письменным столом, на котором лежала одна-единственная папка с документами, меня дожидалась миссис Баллинджер, крохотная платиновая блондинка средних лет с недовольным выражением лица. Выглядела она так, словно ее вытащили из частной средней школы в Верхнем Ист-Сайде. Я узнал ее по фотографиям в вестибюле.

– Как вас зовут? – равнодушно спросила она.

– Ари Иден.

– Садитесь, – она указала на деревянный стул, украшенный надписью “РОСС БАЛЛИНДЖЕР, ГАРВАРДСКАЯ ШКОЛА ПРАВА, ВЫПУСК 2003 Г.” – Мой старший, – пояснила миссис Баллинджер.

– А. – Я недоуменно моргал, не зная, что ответить на ее непрошеное пояснение. – Здорово.

Она указала на фотографию на углу стола, на снимке миссис Баллинджер обнимала двух девочек и мальчика.

– Росс, Эшли, Зои. (Я кивнул с деланным интересом.) Гарвард, Чикаго, Виргиния, – на одном дыхании перечислила она. – Неплохо, да?

– Да, – согласился я, по-прежнему недоумеваю, зачем она позвала меня. – Очень круто.

– Прежде чем мы начнем, вас ведь зовут... Вы говорили, Ари? Или Эндрю? А то у меня путаница в данных.

Я нахмурился.

– Ари.

Она записала.

– Знаете, почему вы здесь, Ари?

– Нет. – Я наморщил лоб, заметив, что она просматривает мой табель из “Тора Тмима”. – Вообще-то нет.

– Ничего страшного. Меня зовут миссис Баллинджер. Я помогаю ученикам поступить в колледж. – Она сочувственно улыбнулась. – В вашей прежней школе вас консультировали по поводу поступления?

Меня охватило волнение. Я покачал головой.

– Я так и думала, судя по ее... методологии, скажем так.

– Это плохо? – Что, если “Тора Тмима” допустила серьезную ошибку и теперь все сведения о моем образовании недействительны? Я силился вспомнить, была ли у школы формальная аккредитация.

– Все в порядке, – заверила миссис Баллинджер. – Похоже, они не очень-то стремились к тому, чтобы их выпускники получили высшее образование.

– Да, не особо.

– Просто для сравнения: какой процент выпускников поступил в колледж?

– Э-э... – я запнулся, – небольшой.

Она посмотрела на свои ногти.

– Что же это за школа?

– Очень религиозная.

– Гм. – Она снова просмотрела мой табель. – Первый вопрос, который я обязана вам задать: планируете ли вы вообще поступать в колледж? Девяносто девять процентов наших выпускников сейчас учатся в колледже. Было бы все сто, если бы не один неприятный инцидент, о котором я сейчас не стану распространяться.

Сказать по правде, я еще всерьез не задумывался о колледже. Разумеется, я знал о Гарварде и прочих университетах, был наслышан о нью-йоркских колледжах, помнил, что моя мать училась в Барнарде – правда, недолго. Но колледж оставался чем-то далеким, а для большинства моих друзей и вовсе запретным: туда шли те, кто не хотел всерьез изучать Тору. Пожалуй, я лелеял надежду, что поступлю в какой-нибудь университет, – в конце концов, оба родителя у меня с дипломами, – но мы с ними еще об этом не говорили.

– Конечно, – вяло ответил я, мне не хотелось рассказывать о том мире, из которого я приехал.

– Я так и думала. А ваши родители?

– Что родители?

– Они не против?

– Думаю, нет.

– Вы с ними это обсуждали?

– Нет, – признался я. – Пока еще нет.

Она нахмурилась.

– Нам надо будет с ними поговорить. Не волнуйтесь, – добавила она, заметив мое смущение, – это обычная процедура. В прошлом году я проводила предварительные встречи с нашими самыми целеустремленными учениками. (Я представил, как Дэвис и Амир в сопровождении угрюмых родителей толкаются у двери, чтобы первыми войти в кабинет консультанта.) Сейчас нам важно, чтобы вы определились, какие колледжи вас интересуют и куда вам попытаться поступить. Хорошо?

– Хорошо.

– Скажу сразу, Ари, нянчиться я с вами не стану. Я двенадцать лет проработала в приемной комиссии в Дьюке и в Брауне¹⁰¹. Я прекрасно знаю эту сферу, не хожу вокруг да около и буду общаться с вами как со взрослым. Так что, если вы не думаете никуда поступать, не будем тратить время зря.

Я кивнул, собираясь с духом, чтобы выслушать горькую правду о моем будущем.

– Если честно, репутация – точнее, ее отсутствие – вашей бывшей школы нам ничем не поможет. Я не хочу сказать, что ваши предметы и отметки... по сути, ничего не стоят, – она деликатно сделала паузу, – но, насколько я понимаю, они разительно отличаются от тех предметов, которые вы проходите здесь. Вы согласны со мной?

– Да, я уже убедился, что это правда.

Она любезно улыбнулась.

– Привыкаете понемногу?

– Да, спасибо. Я много занимаюсь.

– Этого мы и требуем от наших учеников.

---

¹⁰¹ Университет Дьюка – частный исследовательский университет в Дареме, Северная Каролина. Университет Брауна – один из самых престижных частных университетов США. Находится в Провиденсе, штат Род-Айленд.

– Я посещаю классы с углубленным изучением предметов, – заметил я.

– И это похвально, вдобавок полезно для аттестата. Это развитие – я все время об этом говорю. Разумеется, лучше развиваться, чем деградировать. Продолжайте в том же духе, и если вам понадобится помощь, обязательно обращайтесь ко мне. Я хочу, чтобы вы добились успеха, поэтому если на каких-то занятиях вам будет трудно, всегда можно найти... другой вариант. Согласны?

– Окей. – Я улыбнулся так же снисходительно, как она.

– Надо смотреть на вещи трезво, Ари. Вот наша задача. Ведь вы могли прийти ко мне и сказать, что хотите поступить, я не знаю, в Дартмут!¹⁰² – Она рассмеялась, явно рассчитывая, что я тоже засмеюсь, но я молчал, и она резко оборвала смех. – Неважно. Значит, встретимся с вашими родителями и начнем выбирать колледж по вашим возможностям. Договорились?

– Ага, – ответил я, – договорились.

– И последнее: тест на проверку академических способностей. Вы уже начали готовиться?

У меня заломило висок. Мне вдруг отчаянно захотелось убраться из этого кабинета с флажками и фотографиями с безжизненными улыбками.

– Нет.

– Не ожидала. А предварительный тест? Вы его проходили?

– Я... а что это?

Она со вздохом посмотрела на свой айфон.

– Дорогой мой, вам нужно немедленно начать готовиться, поскольку в ноябре уже сдавать. Я дам вам телефон репетитора, к которому регулярно отправляю учеников. Берет он недорого. – Она нацарапала на карточке имя и номер, ласково улыбнулась, когда я уставился на карточку, и отпустила меня.

* * *

Учитывая мое настроение, меньше всего мне хотелось обедать на балконе и терпеть неприятные разговоры. Я взял из шкафчика бумажный пакет с ланчем и пошел в столовую, решив, что найду свободный столик в углу и молча поем.

Оказалось, что в столовой особо не уединишься. К коренастому Джо, уборщику, которого вся школа обожала за уморительные шутки на смеси итальянского с эстонским, выстроилась буйная очередь за горячим обедом. Рабби Фельдман гонялся за девятиклассником, попытавшимся проехать на скейтборде по обеденному столу. Одиннадцатиклассники заигрывали с десятиклассницами – швырялись в них йогуртом. Я выбрал почти пустой стол в дальнем левом углу, плюхнулся за него и развернул исключительно унылый сэндвич с тунцом.

– Новенький?

Я поднял глаза. Напротив меня, чуть справа, сидела девушка. Густые темно-каштановые волосы, задумчивые светло-карие глаза. Уткнулась в учебник по физике.

Я вытер губы.

– Пардон?

– Извини, я не хотела тебя обидеть, – сказала она. – Ты же у нас новенький?

Я моргнул, кивнул.

– Я тебя здесь раньше не видела.

– В школе?

– В столовой.

– А, да, – ответил я. – Я тут впервые.

---

¹⁰² Дартмутский колледж – частный университет, входит в Лигу плюща.

– Правда? И где ты обычно обедаешь?

Я положил сэндвич.

– Где придется. – Я решил не упоминать о балконе.

Она ухмыльнулась, перевела глаза на страницу учебника.

– Ты ешь на третьем этаже. Это все знают.

– Все?

– Скажешь, нет?

– Ты даже не знаешь, кто я.

– Знаю, конечно. Я не знала, как тебя зовут – ивритским именем или нет. – Она взяла механический карандаш, зажала зубами ластик на конце. – Да ладно тебе, – девушка закатила глаза, – трудно не заметить, что священное племя Старка приняло к себе персонажа романа Хаима Потока¹⁰³.

Я силился придумать колкость, но в голову ничего не пришло. Так и сидел с открытым ртом.

– Кайла Гросс. – Девушка насмешливо помахала рукой. – Так ты Ари или Эндрю?

– Вообще-то Арье.

Она рассмеялась хриплым грудным смехом, залилась румянцем.

– И где же они?

– Кто?

– Твои опекуны.

– Смешно.

– Они ведь присматривают за тобой?

Я отщипывал от корки крошки, отщелкивал их на стол.

– И что, все так думают?

– Откуда мне знать? – Она покрутила в пальцах карандаш. – Я в школе почти ни с кем не общаюсь.

– Почему? Ты в каком классе?

– Вообще-то в твоём.

– Извини. Неделя выдалась суматошная...

– Не парься. Все равно ты не замечаешь никого, кто не входит в твою непосредственную орбиту. Это же школа.

– Я не очень понимаю, на что ты намекаешь, – сказал я, – но я не марионетка.

– Можно вопрос на миллион?

– Давай.

– Как так получилось?

– Что получилось?

– Как ты с ними связался?

– Не понимаю.

– Все ты понимаешь.

– Они мои друзья. – Меня охватило раздражение: не хватало еще оправдываться из-за того, что меня приняли в компанию.

– Ага, конечно.

– Не веришь?

– Отчего же. Да я и не придаю этому большого значения.

– Чему именно?

– На тебя теперь многие будут... обращать внимание, скажем так. Да ты и сам это скоро заметишь.

---

¹⁰³ Хаим Поток (1929–2002) – американский писатель, автор романов о религиозных евреях.

– Ну разумеется, не может же быть такого, что моим друзьям просто со мной интересно. Это ведь уму непостижимо.

– Ой, я не хотела бить по больному, – сказала она. – Я всего лишь имела в виду, что сама от них не в восторге. Ты, конечно, вправе относиться к ним как считаешь нужным. Но, по моему, быть самому по себе вовсе не плохо.

Я не ответил, лишь раздраженно щипал сэндвич. Думал уйти, но не знал куда. Девушка писала уравнения на полях учебника.

Когда прозвенел звонок, она демонстративно захлопнула книгу и встала:

– Рада познакомиться.

– Взаимно, – буркнул я, не поднимая глаз.

– Извини, если обидела.

– Ничего страшного.

– Кстати, твой ответ мне понравился больше.

Я скомкал бумажный пакет из-под сэндвича.

– Ты о чем?

– София, по-моему, перемудрила.

Я нахмурился, соображая, о чем речь.

– Я про урок миссис Хартман в первый день. Я сидела сзади, через четыре ряда от тебя. – Она собрала вещи. – Довольно логичная теория для парня с двумя именами.

И ушла. Ярко-желтый рюкзак подпрыгивал у нее на спине.

* * *

В среду наш класс отвезли на “рассветный миньян” – ежегодная духоподъемная традиция: двенадцатиклассники молились на пляже, общались, завтракали. Мы приехали в шесть утра, шатаясь от недосыпа; в воздухе висел редкий туман. В сумеречном небе пробивались лучики света.

Как ни странно, молиться было приятно. То ли из-за обстановки – небо из темно-серого постепенно становилось светло-голубым, легкие волны накатывали на берег, вокруг пусто, ни души, – то ли потому что мы еще толком не проснулись. Перед началом рабби Фельдман произнес короткую речь о том, что нужно чувствовать божественное в природе, о том, как замечательно пообщаться с Богом с утра пораньше, о том, что ощущаешь нутром, когда стоишь у океана и размышляешь о своем месте в мире. Я молился в одиночку, погрузившись в себя, и в кои-то веки не опасался, что меня осудят за чрезмерную *кавану*¹⁰⁴, как опасался каждое утро на “миньяне икс”. Мне удалось полноценно помолиться впервые с тех пор, как мы перебрались во Флориду.

Потом подъехал на фургоне Джо (“Беллоу, мудило укуренное, – сказал он Оливеру с глазу на глаз, – поделись травой, я же дал вам шезлонги на балкон!”), привез бейглы, вафли, вкуснейший сливочный сыр, копченую лососину, ругелах и какое-то неизвестное мне желе. Затеяли играть в тачбол. Команду раввинов возглавил рабби Фельдман, участвовал даже тщедушный рабби Шварц – один раз он оступился и на глазах у всех улетел вниз головой в воду.

Мы с Ребеккой сидели в сторонке, на мягком песке, и жевали вафли.

– Знаешь что, Ари? – сказала Ребекка. – Такие моменты редки.

– О чем ты?

– О том, о чем нам будут говорить без остановки весь учебный год – да, собственно, уже говорят. Что это лучшее время нашей жизни, которое мы будем вспоминать с улыбкой и жалеть, что не наслаждались им чуть более осознанно.

---

¹⁰⁴ Кавана – в иудаизме: осознанная готовность выполнить заповедь. Здесь: внутренний настрой на молитву.

Я разломил вафлю напополам.

– Мне такое точно никто никогда не говорил.

Она рассмеялась.

– Скажут еще. А ты отмахнешься, как я, но они правы. Посмотри вокруг. С нами все время друзья, учителя, родители, братья, сестры. У нас ни работы, ни настоящих обязанностей. Так уже никогда не будет, правда?

– Похоже, ты по-настоящему счастлива. Приятно слушать счастливого человека.

Она коснулась моей руки:

– Ты так говоришь, будто это что-то из ряда вон. Не уподобляйся этому шмендрику. – Она указала на Эвана, который как раз в прыжке поймал длинную передачу Ноаха, сделал тачдаун и теперь ликовал, насмехаясь над рабби Фельдманом. – Посмотри на него. Конечно, ему многое пришлось пережить, но и он порой бывает счастлив, правда же?

После того как игра подошла к концу и рабби Фельдман зевнул “Хейл Мэри”¹⁰⁵ – мяч ему кинули откуда-то сзади и сбоку, – нам велели возвращаться в школу, мы как раз успевали к третьему уроку. Мы с Ноахом и Ребеккой чуть задержались, помогли Джио и раввинам убрать мусор. А когда пришли на парковку, Эван стоял на выезде и не давал никому уехать. Вокруг него собрались другие, в их числе Донни. Образовалась пробка, машины сигналили, но Эван не двигался с места. В руках у него были ключи от машины Донни.

– Ну хватит, Эв, – Донни вяло пытался отобрать у него ключи, – мне ехать пора.

Эван схватил Донни за плечи:

– Твои родители на работе, так?

Донни слабо кивнул, в поисках поддержки оглядел собравшихся. Но никто за него не вступился.

– Значит, если я правильно подсчитал, – продолжил напирать Эван, – твой дом пустует и буквально напрашивается, чтобы им воспользовались?

Меня охватило сочувствие к нашему великану-приятелю, который в ответ на вопрос Эвана что-то промямлил. В глубине души я надеялся, что Ноах вмешается, но он молчал.

– Может, э-э-э, может, лучше поедем к тебе домой, Эв?

Эван помрачнел, и Донни поспешно пробормотал извинение. Эван в ответ отдал ему ключи, привстал на цыпочки, взъерошил ежик Донни, направился к “ауди” и уселся на мое место на пассажирском сиденье. Когда мы с Ноахом и Ребеккой подошли к машине, Эван окликнул меня:

– Иден!

Я моргнул, недоумевая, почему он выбрал именно меня.

– Что?

– Я так понимаю, вы с Амиром гоните обратно в школу?

Я в самом деле намеревался спокойно вернуться в школу, пойти на занятие по Танаху, послушать рабби Фельдмана. Мы так хорошо провели время, хотел сказать я, зачем же в ответ на заботу плевать школе в лицо? Однако нехотя покачал головой.

– Правда? – уточнил Эван. – Я в шоке.

С парковки уехали несколько автомобилей. Я заметил, что София одна в машине. Я мог бы подбежать к ней, попросить подбросить меня до школы. Но вместо этого обернулся к Эвану:

– Почему?

Эван холодно посмотрел на меня, уверенный в том, что уж на это я точно отвечу так, как ему нужно.

– Ты не похож на человека, который готов рискнуть.

---

¹⁰⁵ Пас в американском футболе.

Ругая себя, я сел на заднее сиденье. Эван, еле заметно ухмыляясь, захлопнул переднюю дверь.

* * *

Когда мы приехали к Донни, на заднем дворе тусовалось человек двадцать – пили, слушали ту же музыку, что на “миньяне икс”, от которой меня воротило с души. Оливер уже обшарил кухню, расставил бутылки на ржавом шезлонге и наливал всем “отвертку”.

– Миледи. Джентльмены. Иден. Не желаете выпить?

Ребекка, Ноах и Эван согласились. Я отмахнулся.

– Оставьте хоть немного сока, – взмолился Донни, словно именно это заботило его больше всего. Он навис над Оливером, под мышками его серой футболки с эмблемой школьной баскетбольной команды расплывались огромные пятна пота. Разница в росте Оливера и Донни в этот момент была обратно пропорциональна их влиянию. – Наши мелкие ничего другого не пьют. Мать будет ругаться.

– Плохая новость: твоя маменька и так будет ругаться, – ответил Оливер. – А хорошая в том, что явно не из-за сока.

Донни нервно почесал прикрытую кипой макушку.

– Чувак, вообще-то он дорогой.

– Правда? И сколько же он стоит? Хотя знаешь что? Выпей коктейль имени Леона Беллоу, моего отца, без пяти минут алкоголика, – Оливер подлил в стакан еще водки и всунул его в ручищу Донни, – и позволь мне отблагодарить твоих родителей за щедрость. – Он достал из кошелька четыре двадцатки, свернул в трубочку и запихнул Донни под футболку. – Этого хватит?

Сверху послышался шум. Голый по пояс Эван поднимался по лестнице, прислоненной к внешней стене патио. Залез на крышу, сделал несколько шагов, остановился прямо над нами. В ответ на одобрительные пьяные возгласы медленно поднял руку, требуя тишины.

– Друзья. – Он скинул кроссовки, едва не попав Оливеру по голове. – Добро пожаловать в выпускной класс. – Эван стащил носки, расстегнул джинсы, снял, швырнул вниз, проводив свои вещи взглядом. Реми под общие аплодисменты поймала его штаны. Эван остался в одних трусах. – Вскоре, – продолжал он, расхаживая по крыше, – мы обретем независимость. Какое счастье. Мы ведь так давно этого хотели, правда? Мы мечтали об этом с детства – как вырастем и не будем зависеть ни от родителей, ни от раввинов, ни от учителей, перестанем жить по чужим правилам. – Прикрыв глаза от солнца, я смотрел на Эвана. Он двигался, и порой в ослепительном свете был виден лишь его силуэт. – И вот мы наконец выросли – что дальше? Станем ли мы такими, как все? Точной копией родителей? Будем ли мы цепляться за то, что изжило себя? Лицемерие, сплетни, жадность, чересчур дорогие продукты, соревнование, у кого круче дом, машина, цдака – все, что знакомо нам с детства... – он замер на краю, согнул пальцы ног, бесстрашно посмотрел вниз, – все это не вечно.

– Господи боже мой, – произнес стоящий рядом со мной Ноах, – умеет же чувак испортить праздник.

– Это все Блум виноват, – равнодушно ответил Оливер, смешивая очередной коктейль. – Со своей философской хренью.

– И мы должны воспользоваться этой свободой, чтобы сломать шаблоны, – Эван стоял на самом краю крыши, – если нам хватит смелости. – С этими словами он снял трусы и бомбочкой прыгнул в бассейн.

Молчание. Эван вынырнул, направился к Реми, которая сидела, опустив ноги в воду. Прошептал что-то ей на ухо, отчего она уставилась под воду. Потом грациозно поднялась и,

явно наслаждаясь тем, что все раскрыв рот таращатся на нее, разделась догола и нырнула в бассейн.

В воздухе повисло напряжение, у всех перед глазами явно стоял образ раздевающейся Реми Уайт. А потом все, словно по команде, рванули к лестнице и к воде, расшвыривая одежду; стройные тела, воодушевленные грехом: Ноах рука об руку с Ребеккой, Николь сбросила юбку, Оливер подкинул в воздух трусы и, опрокинув бутылку водки, припустил к бассейну.

С крыши в воду низвергались тела, под ногами у меня растекалась водка. Я замер, не в силах оторвать взгляд от вынырнувшей Николь, но при виде Ребекки все-таки опустил глаза. Опомнившись разом, юркнул в раздвижную стеклянную дверь, промчался по дому – влажные следы, разлитый сок, перевернутые стулья – к подъездной дорожке. Занятие по Танаху уже началось, подумал я, силясь стереть из памяти увиденное, и если я соображу, на чем добраться до школы, то не очень опоздаю. На миг меня даже посетила безумная мысль позвонить матери, но я представил, что она увидит Эвана и Реми во всем великолепии их наготы, и, борясь с возбужденным волнением в груди, вызвал “Убер”.

Пять минут ожидания были пыткой. Я боролся с растущим желанием вернуться к бассейну и все озирался, не заметил ли кто моего ухода, – разумеется, никто не заметил, и это было еще хуже. Наконец приехал “Убер”, пожилой водитель с жуткой бородой и во вьетнамской шляпе вонял каким-то омерзительным одеколоном. Я подсказал ему, как доехать до “Коль Нешамы”, и на школьной парковке он резко свернул, чтобы не сбить охранника. Я вылез из машины, хлопнул дверью, оборвав его непрошенный монолог, и поспешил в школу. Отмечаясь на стойке регистрации, я заметил, что миссис Дженис неодобрительно смотрит на меня поверх очков в роговой оправе. Понурился, я вошел в класс, опоздав на полчаса, и плюхнулся за парту у двери.

Когда я вошел, рабби Фельдман рассказывал о Раши¹⁰⁶, а потому и не упрекнул меня за опоздание, хотя и покосился в мою сторону. Осмелившись наконец поднять глаза, я заметил, что класс до смешного пуст, отсутствуют примерно две трети учеников. Сидящий в другом конце кабинета Амир ловил мой взгляд, но я упорно таращился на свои кроссовки, а на него не смотрел. Так я провел весь урок, с волнением вспоминая образы Николь и Реми. Когда прозвенел звонок, я вскочил, ринулся в коридор и смешался с толпой.

* * *

Постепенно возвращались ребята. Ноах с Ребеккой приехали к концу обеда. Лили юркнула на заднюю парту на ЕврИсФиле. К математике явилась Реми, от нее сильно пахло ромом. К концу дня не хватало только Эвана, Оливера и Донни.

На биологию я явился пораньше, надеясь застать Софию.

– Смотрите, кто пришел. – Она села рядом со мной. – Аквамен собственной персоной. Плавки не забыл?

– Тебе уже рассказали?

– В общих чертах, – ответила она. – Я слышала, дело приняло... пикантный оборот.

Я покраснел.

– Я бы сказал, обнажилось многое неизвестное.

– И кого?

– Что – кого?

– Кого ты видел?

– Оливера в таких подробностях, о которых предпочел бы не знать, чтобы жить спокойно.

– А еще кого?

---

¹⁰⁶ Раши (1040–1105) – крупнейший средневековый комментатор Талмуда и Танаха.

Я демонстративно достал учебник из рюкзака.

– Да всех.

– То есть Рем...

– Ага, но я отвернулся.

– Тебе не понравилось шоу? – невозмутимо уточнила София.

– Я сразу уехал.

– Только не говори мне, что лишил одноклассников, скажем так, удовольствия видеть “преображенье Гамлета”¹⁰⁷.

Я покраснел еще гуще.

– Я тебя разочарую, но никто не видел моих “укромных частей”¹⁰⁸.

Она долистала учебник до главы, которую мы проходили. Страницы пестрели подробными рукописными примечаниями, фрагменты текста были выделены цветом. Даже от почерка Софии у меня теплело на сердце.

– Если честно, я вообще не понимаю, зачем ты поехал с ними.

– Я тоже.

– Ты мог поехать со мной. Я отличная попутчица.

– Сам жалею.

– Но ты послушал его, да?

– Кого?

В класс влетела доктор Флауэрс, захлопнула дверь и разразилась избыточно свирепой тирадой о триглицеридах и жирных кислотах. Я даже не притворялся, будто слушаю, последнее замечание Софии ввергло меня в непонятное уныние, и я мучительно размышлял, не накажут ли меня. (“Я очень надеюсь, что все, кто участвовал в сегодняшнем диспуте, – сказала на своем уроке миссис Хартман, – приготовятся к гневу грознее того, «который ахейнам тысячи бедствий соделал»¹⁰⁹.”) Когда до конца урока оставалось всего двадцать минут и от голоса доктора Флауэрс уже раскалывалась голова, миссис Дженис, растягивая слова на южный манер, произнесла по громкой связи мое имя.

Стараясь не встречаться глазами с Софией, чье неодобрение прожигало в моем виске дыру, я встал и отправился в администрацию.

– Не ко мне, – миссис Дженис махнула рукой, – на этот раз к главному.

Я направился в кабинет рабби Блума, от волнения кружилась голова. Я видел сквозь стеклянную дверь, что он ждет меня. Я постучал.

– Входите, мистер Иден.

Я вошел и замялся на пороге.

– Садитесь, пожалуйста. – Директор указал на длинный стол в центре кабинета. – Чаю, кофе, воды?

– Только воды, спасибо, – ответил я и тут же принялся гадать, не полагалось ли мне вежливо отказаться.

Рабби Блум подал мне бутылку воды из холодильничка, спрятанного под его столом, сел напротив меня, крутнулся в кресле.

– Вам нравится у нас, мистер Иден?

Меня не оставляло напряжение – впервые все внимание директора было обращено на меня.

– Да.

– В некотором смысле здесь лучше, чем в вашей прежней школе?

---

¹⁰⁷ Перевод М. Лозинского.

¹⁰⁸ Там же.

¹⁰⁹ Гомер. “Илиада”. Перевод Н. Гнедича.

– Да.

– Хотя, разумеется, новеньким всегда быть непросто. Здесь... свои трудности.

Я неуверенно кивнул.

– По-моему, вы нервничаете из-за того, что я вызвал вас.

– Немного, сэр.

– Что ж, прошу прощения. Вам совершенно не о чем беспокоиться. Я всего лишь хотел познакомиться с вами. Мне рассказывали о вас интересные вещи. Та же миссис Хартман о вас очень высокого мнения.

– Правда?

– Ваши литературные познания произвели на нее глубокое впечатление, особенно учитывая то, где вы учились раньше. Признаться, я не удивлен. Вы прислали нам блестящее сочинение. Пожалуй, лучшее из всех, что мне доводилось читать, – для юноши ваших лет.

– Вау, я... спасибо, – сказал я. – Даже не верится, что вы помните его.

Рабби Блум улыбнулся, вернулся за стол, порылся в ящике, достал папку, открыл и протянул мне лист бумаги. Последний абзац был выделен маркером.

Мудрецы прибегают к оригинальным вычислениям, чтобы определить, как мы стоим во время молитвы. Те, кто на востоке, поворачиваются лицом на запад, те, кто на западе, – на восток. Те, кто на севере, поворачиваются к югу, те, кто на юге, – на север. Слепые, не различающие сторон света, обращаются сердцем к Богу. Изгнанники представляют Эрец Исраэль, израильтяне – Иерусалим, иерусалимцы – Храм, коэны – Святая святых. Таким образом, в Гемаре закреплено то, что нам известно от Платона: зуд желания нельзя утолить. “По-вашему, даже не мечтать о счастье! – говорит Тузенбах. – Но если я счастлив!”¹¹⁰ Примечателен ответ Гемары: мечтать о счастье крайне важно, даже если вы несчастны. Счастье бежит от нас, а мы все равно за ним гонимся. Мы никогда не достигнем вечного счастья, однако упрямо преследуем его тень – и телесно, и духовно. Мы ближе и ближе подбираемся к Богу, каждый раз сокращая расстояние вполтину, но то, перед чем мы оказываемся, лишь приблизительное представление. Мы переезжаем в новые места, предвкушаем новые достижения, но томление не проходит, поскольку жить, не зная желаний, по мнению Талмуда, недостойно человека.

Не зная, куда деваться от смущения, я вернул ему текст.

– Возможно, вы не в курсе, но обычно мы не берем в одиннадцатый и двенадцатый классы учеников из других школ. Наша учебная программа предусматривает определенный период проб и ошибок, новички не успевают к ней приспособиться и в итоге отстают. Если мне не изменяет память, за последние пятнадцать лет, а то и больше, мы не приняли ни одного старшекласника. Вы знали об этом, мистер Иден?

– Нет.

– И вас не удивляет, что мы сделали исключение для ученика школы, которая называется “Тора Тмима”?

Я уклончиво дернул шеей – не поймешь, то ли кивнул, то ли покачал головой.

Рабби Блум закрыл папку, подошел ко мне, сел напротив.

– Это сочинение демонстрирует глубину мысли и не по годам серьезное стремление разобраться с неоднозначными вопросами. Вы так нас заинтересовали, что мы просто не устояли. И пока что, должен сказать, мы в вас не ошиблись. – Он положил ногу на ногу. – Я давно работаю директором, мистер Иден. Если честно, дольше, чем мне того хотелось бы. И вот сижу я

---

¹¹⁰ А. П. Чехов. “Три сестры”.

у себя в кабинете, вижу в коридоре вас с мистером Старком, мистером Харрисом, мистером Самсоном и даже с мистером Беллоу... – Он подался вперед, оперся ладонями на стол. – Скажу без утайки: я восхищен.

Повисло неловкое молчание. Я осознал, что он договорил и ждет ответа.

– Я... я не вполне понимаю, что вы вообще имеете в виду.

– Я имею в виду, что у вас, на мой взгляд, выдающийся, еще не раскрытый потенциал.

– Вряд ли все с вами согласятся. – А именно доктор Флауэрс и доктор Портер, подумал я. – Но спасибо.

– Многие люди до ужаса близоруки, мистер Иден. Вырастете – поймете.

Я перевел взгляд на словно забытый диплом, висевший в дальнем углу.

ПРИНСТОНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
настоящим присуждает
ЛОРЕНСУ ИСААКУ БЛУМУ
степень ДОКТОРА ФИЛОСОФИИ
вкупе со всеми надлежащими правами,
почестями и привилегиями
за успешное завершение курса
в соответствии с требованиями
КАФЕДРЫ ПОЛИТОЛОГИИ

Под дипломом висел плакат в рамке:

Мой вождь и я на этот путь незримый
Ступили, чтоб вернуться в ясный свет,
И двигались всё вверх, неутомимы,
Он – впереди, а я ему вослед,
Пока моих очей не озарила
Краса небес в зияющий просвет;
И здесь мы вышли вновь узреть светила¹¹¹.

– Все ученики удивляются, когда видят это, – произнес Блум, заметив мое удивление. – Подростки воображают себя умнее дряхлого старика, сидящего за стеклянной стеной.

– Извините, – выпалил я, – я не хотел вас обидеть. Просто почти ни у кого из моих бывших раввинов... не было докторской степени.

Рабби Блум улыбнулся.

– Может, вы здесь не единственная аномалия.

– Вы раньше преподавали? В смысле, в колледже?

– Давно.

– Вау. А что?

– В основном политическую философию. Я несколько лет проработал старшим преподавателем. Ну а потом ушел, чтобы создать собственную школу.

– Почему ушли?

– Мне было мало того, что давал университет. Я любил и люблю заниматься наукой, но в университете мне не хватало пищи для души. Мне хотелось Тора Умадда¹¹², красоты западной мысли, сопряженной с более духовной восприимчивостью к человеческой природе. Я стал

---

¹¹¹ Данте Алигьери. «Божественная комедия». Перевод М. Лозинского.

¹¹² Тора и светское знание, синтез между изучением Торы и западным образованием.

раввином, основал эту школу, и вот прошло много лет, я старею, чахну, но от былых убеждений не отказался.

Я сделал вид, будто пью воду.

– Вы скучаете по университету?

– Разумеется. Порой я поневоле думаю о том, как сложилась бы моя жизнь, если бы я продолжил идти прежним курсом. Почти все мои друзья-преподаватели добились выдающихся успехов в карьере. Я же директор ешивы, а это занятие не всегда благодарное – наверняка вы и сами заметили. Поэтому для меня имеют такое значение напоминания, почему это важно, почему ортодоксальный иудаизм обогащает жизнь, почему раввины сильнее влияют на становление личности, чем университетские преподаватели. Вдобавок, чтобы подсластить пилюлю, время от времени попадаются ученики, которые мыслят оригинально, и тогда понимаешь: все не зря.

Рабби Блум встал, подошел к шкафу со стеклянными дверцами.

– За свой долгий путь я собрал чудесную библиотеку, но эти книги пылятся без дела, поскольку мало кто из учеников их ценит. К сожалению, до сего дня лишь один-единственный наш ученик интересовался такими вещами. Возможно, вы станете вторым.

Лейбниц, Спенсер, Локк, Чосер, Гоббс, Руссо. Я восхищенно моргнул, вспомнив собственную скудную коллекцию.

– Догадываетесь, кто этот ученик, мистер Иден?

Я поковырял заусенец:

– Эван.

– Нам повезло, в Академии удивительное количество незаурядных умов. Наши ученики набирают высшие баллы в тестах, поступают в элитарные колледжи, лучшие аспирантуры, потом устраиваются работать в ведущие компании, мы внимательно следим за их успехами. Но порою ученики чересчур увлекаются учебой, дополнительными занятиями, целиком сосредоточиваются на поступлении, а о прочем забывают. Мало кто в старших классах активно интересуется чем-то большим. Я к чему это все: думаю, вам полезно будет пообщаться с мистером Старком на интеллектуальные темы. По-моему, ваши устремления во многом совпадают.

– Да, но... вряд ли Эвана заинтересует или обрадует мое внимание.

Рабби Блум еле заметно улыбнулся.

– Возможно, сначала и не обрадует. Но позвольте дать вам непрошенный совет: не принимайте на свой счет его... скажем так, отчужденность. Постепенно он привыкнет к вам и откроет вам душу.

Я вспомнил, как Эван нагишом прыгнул с крыши в бассейн.

– Мне так не показалось.

– Впереди еще целый учебный год. Вы удивитесь, как все поменяется. Говоря откровенно, мне прекрасно известно, что в настоящее время мистер Старк от меня не в восторге, – впрочем, учитывая, что мне рассказывали о сегодняшних событиях, я тоже не сказать чтобы им доволен. Но я знаю, что это временно.

Я ничего не ответил. Рабби Блум перебирал книги на полках. Чуть погода протянул мне томик в выгоревшей красной обложке с потрепанным корешком:

– Вы читали Йейтса?

– Вообще-то нет.

– Тогда вот вам домашнее задание. Как дочитаете, заходите. Мне интересно, что вы скажете.

Я взял Йейтса и ушел, не зная, что думать.

* * *

На следующий день нас ждала расплата за случившееся после рассветного миньяна. Почти всем поставили прогулы (выяснилось, что это минус полбалла от средней оценки успеваемости за полугодие), а Оливера, Донни и Эвана еще и оставили на полдня после уроков за то, что они вчера вообще не явились в школу. Меня почему-то не наказали – может, и к худшему, так как это дало пищу для неприятных сплетен.

– То есть как это тебе не вlepили прогул? – спросил Эван, сидя на обычном месте на балконе.

Сворачивающий косяк Оливер поднял глаза:

– Как такое возможно?

Мне пришлось сидеть на полу, шезлонга у меня так и не было.

– Я пришел на Танах.

– Именно, – сказал Оливер, – и это, позволь напомнить, было очень нечестно с твоей стороны.

– Тебе-то что за дело? – Ноах развернул высокопитательный протеиновый батончик. Его мать считала, что перед началом баскетбольного сезона ему необходимо набрать мышечную массу. По правде говоря, я не понимал, куда еще больше, но мои соображения на этот счет вряд ли кого-то волнуют – какой из меня культурист? – Радоваться надо, что ему повезло. Жаль, что *мне* не повезло.

Эвана его слова не убедили; он повернулся ко мне:

– Я слышал, ты говорил с Блумом.

Я нахмурился, выпрямил ноги.

– И что?

– Что ты делал у него в кабинете?

– Он вызвал меня к себе.

– Зачем?

– Поговорить, – нервно ответил я.

Амир поднял глаза от учебника по физике, встревоженно посмотрел на Эвана.

– О чем?

На миг я подумал, не рассказать ли Эвану о совете, который дал мне Блум. Наверное, мы посмеялись бы и это разрядило бы обстановку.

– О том о сем.

– Как мило. – Эван холодно улыбнулся. – О политике? О социологии? Он дал тебе понять, что ты *особенный*?

– Эван, – вмешался Амир, – остынь.

– Почему тебя это так волнует? – удивился я. – Он просто хотел познакомиться со мной поближе.

– На твоём месте я был бы осторожнее. – Эван взял протянутый Оливером косяк. – Ему соврать как нефиг делать.

– Господи, Эв. – Ноах жевал уже второй батончик. – Чего ты вдруг взъелся на Блума? Вы же с ним обычно неразлучны.

– Просто странно, и все, – пояснил Эван.

Я настороженно прислонился к стене.

– Что странно?

– А то, – ответил Эван, – что с Блумом говорил только ты и только тебя не наказали – такое вот совпадение.

– Понятия не имею, о чем ты. Я ничего ему не сказал.

И это правда: когда Блум упомянул об Эване, я ничего не ответил и словом не обмолвился о вечеринке у Донни. Я не сделал ничего дурного – если, конечно, не считать предательством то, что я согласился прочитать Йейтса.

Прозвенел звонок, обеденный перерыв закончился.

– Это мы еще посмотрим. – Эван затушил косяк и через окно залез обратно в школу.

* * *

В воскресенье у меня было первое занятие с репетитором. Его офис располагался на Линкольн-роуд между грязной забегаловкой (окна в разводах сажи, дюжина телевизоров транслируют игру “Долфинс”¹¹³, в зале сидят без дела мотоциклисты) и модной, хорошо освещенной кофейней. Я пришел рано, подумывал, не зайти ли позавтракать, рассматривал белый интерьер кофейни, толпящихся посетителей, спящих официантов. Но вместо этого сделал несколько кругов по кварталу, вспоминая стихотворения Йейтса.

Я вошел в офис, вежливо постучал в непримечательную дверь, на которой выцветшей краской было выведено “А. Берман”.

---

¹¹³ “Майами Долфинс” – профессиональный клуб американского футбола.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.